

ДАФНА ДЮМОРЬЕ

Королевский генерал

Санкт-Петербург

Глава 1

1653 год, сентябрь. Последние дни лета. Первые холодные ветры осени. Солнце больше не пробивается сквозь мое восточное окно, когда я просыпаюсь; лениво проплывая по небу, оно едва успевает достичь вершины холма к восьми часам. Белая дымка иногда висит над заливом до самого полудня, обволакивая также и топи, а когда рассеивается, оставляет после себя дуновение прохладного ветерка. Из-за этого высокая трава на лугу никогда не высыхает и после полудня еще долго сверкает на солнце, а огромные капли росы неподвижно висают на кончиках стеблей. Заметнее, чем прежде, стали приливы и отливы. Они как бы задают тон всему предстоящему дню. Когда вода уходит с топей, мало-помалу обнажая желтый песок, покрытый рябью, плотный и твердый, то мне кажется, будто я, лежа здесь, тоже уношусь в своих безрассудных фантазиях вслед за отливом, и все мои потаенные мечты, которые я считала похороненными навеки, обнажаются и являются дню, совсем как раковины и камни на отмелях.

Странное и радостное испытываешь чувство, уносясь мечтами в прошлое. Никаких сожалений, я счастлива и горда. Дымка рассеялась, и солнце, теперь высокое и теплое, заигрывает с моим отливом. Каким синим и бурным бывает море, когда устремляется из залива к западу; мыс Блэкхед, темно-пурпурный в лучах солнца, склоняется над глубокой водой, словно покатое плечо. Вновь — и это тоже игра воображения — мне чудится, что море всегда отступает к середине

дня, когда надежда наиболее сильна, а в сердце — умиротворение и покой. Затем, еще в полудреме, я вижу, как надвигается что-то вроде тени, и внезапно впадаю в уныние. Первые вечерние облака собираются за Додмэном, заноса над морем свои длинные пальцы. Зыбь на море снова усиливается, и поток волн устремляется к отмелям. И нет уже ни белых камней, ни мелких ракушек. Укрыты отмели, погребены мои мечты. Но вот сгущаются сумерки — и прилив заполняет топи, земля скрывается под водой. Вскоре приходит Мэтти, зажигает свечи, помешивает угли в камине, нарушив своим присутствием мой покой, и, если я бываю с ней резка или неразговорчива, она качает головой и напоминает, что осень никогда не была моей лучшей порой. Моя осенняя меланхолия. Еще в далеком прошлом, когда я была молода, ее угроза казалась вполне ощутимой, и Мэтти, как свирепая клуша, выпроваживала случайного посетителя: «Мисс Онор сегодня никого не принимает». Мои близкие вскоре поняли, что к чему, и оставили меня в покое. Хотя покой, быть может, не совсем удачное слово для обозначения приступов безысходного отчаяния, которое мною овладевало. Что ж... Теперь с этим покончено. По крайней мере, с приступами. С бунтом духа против разгоряченной плоти и с минутами настоящего физического страдания, когда я просто не находила себе места. То боролась молодость. Больше я не бунтую. Зрелые годы обрекают меня на смирение, и многое говорит в его пользу. Покорность

вознаграждается. Беда лишь в том, что сейчас я не могу читать так, как прежде. В двадцать пять — тридцать лет книги были моим величайшим утешением. Я с прилежанием примерной ученицы оттачивала греческий и латынь, так что важной частью моей жизни была учеба. Сейчас это кажется бесполезным. Циничная в юности, я имею все основания стать еще хуже теперь, когда я стара. Так считает Робин. Бедный Робин. Только Бог знает, какой я, должно быть, бываю иногда занудой. Годы не пощадили и его. Он сильно сдал в последнее время. Не иначе как сказывается страх за меня. Я знаю, что они обсуждают будущее, он и Мэтти, когда думают, что я сплю. Я слышу их шепот в гостиной. Но когда он со мной, то напускает на себя притворно-веселый вид, а у меня сердце кровью обливается. Мой брат. Окидывая его, сидящего рядом, тем холодным критическим взглядом, который у меня обычно припасен для тех, кого я люблю, я замечаю и мешки у него под глазами, и то, как дрожат его руки, когда он разжигает трубку. Неужели этот человек был когда-то таким легкомысленным и таким увлекающимся? Неужели это он шел в бой с соколом в руке, и неужели это он каких-то десять лет назад вел своих солдат на Брэддок-Даун бок о бок с Бевилом Гренвиллом, развернув на глазах у неприятеля пунцовое знамя с тремя золотыми поперечными полосами? Неужели этого мужчину я видела однажды в квадрате лунного света дерущимся из-за одной вероломной женщины?

Посмотреть на него сейчас — и сама мысль об

этом кажется насмешкой. Бедный мой Робин с его седеющими взлохмаченными прядями волос, падающими ему на плечи. Да, ужасы войны наложили отпечаток на нас обоих. Война и Гренвилы. Возможно, Робин до сих пор привязан к Гартред, как я — к Ричарду. Мы никогда не говорим об этих вещах. Унылое однообразие будней — вот все, что нам остается. Впрочем, из наших друзей мало кто не пострадал. Одни отошли в мир иной, другие разорились. Я не забываю, что мы с Робинем живем на милостыню. Если бы Джонатан Рашли не дал нам этот дом, у нас бы не было крыши над головой, ведь Ланрест разорен, а Радфорд занят. Джонатан сильно постарел и выглядит усталым. Последний тяжелейший год заключения в Сент-Мосе сломил его — да еще смерть Джона. Мэри почти не изменилась. Чтобы вывести ее из равновесия и поколебать ее веру в Бога, одной гражданской войны мало. Элис по-прежнему с нами, так же как и ее дети, но беспутный Питер никогда ее не навещает. Я думаю о далеком времени, о том, как мы однажды собрались в длинной галерее: Элис и Питер пели, Джон и Джоан грели руки у камина. Все они были так молоды! Дети. Даже Гартред не могла накалить атмосферу того вечера своей намеренной недоброжелательностью. Но затем Ричард, мой Ричард, с улыбкой на лице, как обычно, разрушил чары одним из своих язвительных замечаний, веселье улетучилось, и вечер не казался уже таким беззаботно-радостным. Я разозлилась на него, хотя и понимала, какие чувства побуждают его

делать это.

О! Да поразит Господь этих Гренвиллов, думала я впоследствии, за то, что они причиняют вред всему, к чему бы ни прикоснулись, за то, что превращают счастье в беду простой модуляцией голоса. Почему они так поступают, он и Гартред? Откуда эта порочная склонность находить в жестокости чувственное удовольствие? Какой злой дух раскачивал их колыбельку? Бевил был совсем другим. С его степенной учтивостью, предупредительностью, моральной устойчивостью, его нежностью к своим и чужим детям, он был истинным украшением семьи. И его сыновья похожи на него. Насколько я могу судить, ни у Джека, ни у Банни — никаких пороков. Но вот Гартред! Эти змеиные глазки под золотисто-рыжей копной волос, этот жесткий сладострастный рот. Каким невероятным казалось мне, даже в начале ее брака с моим братом Китом, что она способна на обман. Перед силой ее обаяния было не устоять. Мои отец и мать превратились в мягкий воск в ее пальцах, что же касается бедняги Кита, он с самого начала стал ее рабом, так же как и Робин впоследствии. Я же никогда и ни в чем ей не уступила, даже на мгновение. Лицо ее обезображено, и теперь уже, думается мне, навсегда. Этот шрам она унесет с собой в могилу. Узкая красная полоска от глаза к уголку рта — след от удара клинком. Говорят, она до сих пор еще находит любовников, и последний, кого она покорила, — один из представителей семейства Кэри, поселившийся недалеко от нее в Бидефорде. Я охотно этому верю.

Ни один из соседей не мог чувствовать себя в безопасности, если обладал хоть каким-то шармом, а Кэри всегда славились приятной внешностью. Я могу даже найти в себе силы простить ее — теперь, когда все кончено. Сама мысль, что она кокетничает с Джорджем Кэри, а он моложе ее лет на двадцать, вносит веселую нотку в довольно серую жизнь! И какую жизнь! Вытянутые лица и одежды из грубой ткани, плохие урожаи и упадок торговли; люди беднеют, народ нищает. Благоприятные последствия войны. Шпионы лорда-протектора (боже, сколько иронии в этом титуле!) в каждом городе и каждой деревне, и за малейшее высказывание против государства человека бросают в тюрьму. Бразды правления крепко держат пресвитерианцы, и в выигрыше остаются лишь те, кто наверху, — такие как Фрэнк Буллер и Роберт Беннет или наш старый враг Джон Робартс, — они хватают все что можно, ругая на чем свет стоит простых людей. Грубые манеры, вежливости нет и в помине. Каждый из нас опасается своего соседа. О, как прекрасен новый мир! Безропотный англичанин, возможно, и будет терпеть какое-то время, но только не мы, корнуолльцы. Они не отнимут у нас нашу независимость, и через год-два, когда зализем раны, мы поднимем новое восстание, и снова прольется кровь, и снова появятся разбитые сердца. Но нам по-прежнему будет не хватать нашего вождя. Ах, Ричард — мой Ричард, — какой злой дух заставил тебя рассориться со всеми — так, что даже король теперь твой враг? У меня ноет сердце оттого,

что ты впал в немилость. Я представляю себе, как ты, обозленный на всех, одиноко сидишь у окна, блуждая взглядом по уныло-однообразным равнинам Голландии, и дописываешь заключительную речь, черновой набросок которой показывал Банни, когда приезжал ко мне в последний раз.

«О, не надейся ни на принцев, ни на сыновей человеческих, ибо они тебе ничем не помогут». Эти горькие, полные отчаяния слова не принесут ничего хорошего, кроме новых бед. *«За свою самонадеянность и ложно понятые верноподданнические чувства сэра Ричард Гренвил должен быть публично назван бандитом, а эти его „верноподданнические чувства“ признаны преступными. Да будет так, и да ниспошлет Господь королю верных советников, и да не причинит никто из них вреда ни ему, ни его близким. Что же касается сэра Ричарда Гренвила, его отпустят с вознаграждением, полагающимся старому солдату на службе у короля. Сейчас для него нет дела. Пускай же Совет вспомнит о нем, когда придет время, если еще не будет слишком поздно. Vale¹».*

Обижен, исполнен гордыни и горького разочарования до конца. Потому что это конец. Я знаю это, и ты тоже знаешь. Теперь ты уже не можешь исцелиться, ты сам себя уничтожил, и уничтожил навсегда. Тебя все боятся, тебя все ненавидят — и друзья, и недруги. Генерал короля на западе. Мужчина, которого я люблю. После того как острова Силли отошли к парламенту, а Джек и Банни, посетив

Голландию и Францию, приехали ненадолго домой, они прискакали на лошадях из Стоу в Менебилли повидать Рашли, а заодно заглянули и в Тайуордрет, чтобы засвидетельствовать мне свое почтение. Мы заговорили о Ричарде, и Джек почти сразу сказал: — Мой дядя очень изменился, вы бы с трудом его узнали. Он целыми часами сидит у окна своей жалкой спальни, молча наблюдая за тем, как идет нескончаемый дождь, — боже, какие в Голландии дожди! — и никого не желает видеть. Помните, как он подшучивал над нами и надо всеми молодыми парнями? Сейчас же если он и подает голос, то лишь для того, чтобы уязвить, подобно брюзгливому старику, уколоть посетителя.

— Король никогда больше не прибегнет к его услугам, и он это знает, — сказал Банни. — Ссора с двором его ожесточила. С его стороны было безумием раздувать огонь своей давней вражды с Хайдом².

Более проникательный Джек, встретившись со мной взглядом, выпалил: — Дядя всегда был сам себе злейшим врагом. Онор это знает. Он чертовски одинок, это правда. И впереди его ждут бесплодные годы.

Мы немного помолчали. У меня болело сердце за Ричарда, и мальчики это почувствовали.

— Мой дядя никогда не вспоминает о Дике, — вновь заговорил Банни, понизив голос. — Наверное, мы теперь так никогда и не узнаем, какая ужасная судьба его постигла.

Я почувствовала, как спина у меня похолодела, и

меня охватил знакомый жуткий приступ страха. Я отвернулась, чтобы мальчики не увидели моих глаз.

— Да, — медленно проговорила я, — мы никогда не узнаем.

Банни барабанил пальцами по столу, а Джек машинально перелистывал страницы книги. Я смотрела на спокойные воды залива и на небольшие рыбацкие шхуны, медленно огибавшие Блэкхед со стороны Горран-Хейвена. Их паруса в лучах заходящего солнца казались янтарными.

— Если он попал в руки неприятеля, — продолжал Банни, как бы рассуждая сам с собой, — почему этот факт утаили? Я до сих пор не нахожу этому объяснения. Сын Ричарда Гренвила был ценной добычей.

Я не ответила. Рядом со мной ерзал Джек. То ли после женитьбы — уже несколько месяцев Джек был женат — он стал более чувствителен, то ли всегда обладал большей интуицией, чем Банни, но я поняла: он чувствовал, как я расстроена.

— Нет смысла ворошить прошлое, — сказал он. — Мы утомляем Онор.

Спустя некоторое время они поцеловали мне руку и ушли, пообещав заглянуть еще раз перед отъездом во Францию. Я смотрела, как они уносились вдаль, пустив лошадей галопом, — молодые, свободные и не тронутые временем, которое ушло. Будущее принадлежало им. Когда-нибудь король вернется в свою страну, и Джек и Банни, так храбро сражавшиеся за него, будут вознаграждены. Я представляла их в

Стою или в Лондоне — в Уайтхолле: изысканные и состоятельные молодые люди, у которых впереди — целая эпоха преуспевания.

О гражданской войне забудут, так же как и о поколении, сражавшемся за правое дело и потерпевшем неудачу. О моем поколении, которому ничего не оставлено в наследство.

Я лежала в кресле, наблюдая, как сгущаются сумерки, когда вошел Робин и, сев рядом, справился в своей грубоватой, но мягкой манере, не устала ли я, выразил сожаление, что не застал братьев Гренвил, и принялся рассказывать мне о каком-то пустячном скандале, случившемся в суде Тайуордрета. Я делала вид, что слушаю, со странным чувством жалости думая о том, какое значение он придает сейчас этим тривиальным газетным сообщениям. Я вспомнила, как он и его друзья обессмертили себя доблестной и такой бессмысленной обороной замка Пендиннис в те трагические месяцы сорок шестого года — какой гордостью за них переполнялись тогда наши сердца, — а он продолжал молоть какой-то вздор о пяти курицах, украденных у одной вдовы в Сент-Блейзи. Быть может, я не столько цинична, сколько сентиментальна. Как раз в эту минуту мне впервые пришла в голову мысль освободиться от этого бремени, изложив события последних лет на бумаге. Война, и как она изменила наши жизни; как все мы были застигнуты врасплох и сломлены ею, как безысходно она перемешала наши судьбы. Гартред и Робин, Ричард и я, семья Рашли — все оказались

заперты в этом доме, полном тайн, — стоит ли удивляться, что мы потерпели поражение? И сейчас еще Робин каждое воскресенье ездит обедать в Менебилли. Но я — нет, благо оправданием мне служит состояние моего здоровья. Зная то, что я знаю, я не смогла бы снова туда поехать. О Менебилли — усадьбе, где разыгралась драма наших жизней, — мне известно достаточно много, ибо находится она всего лишь в трех милях отсюда, от Тайуордрета. В доме так же голо и уныло, как в сорок восьмом году, когда я видела его в последний раз. У Джонатана нет ни желания, ни денег, чтобы восстановить дом, вернуть ему первоначальный вид. Мэри, он и их внуки занимают только одно крыло. Я молю Бога, чтобы они так никогда и не узнали о финальной трагедии. Два человека унесут эту тайну с собой в могилу: Ричард и я. Он — в Голландии, в сотнях миль отсюда, я покоюсь на своем ложе в Тайуордрете, и зловещая тень контрфорса неотступно преследует нас обоих. Когда Робин отправляется по воскресеньям в Менебилли, я мысленно его сопровождаю. Вместе с ним я пересекаю парк и подхожу к высоким стенам, окружающим дом. Ворота во внутренний двор открыты, западный фасад смотрит прямо на меня. Последние лучи солнца проникают в мою бывшую спальню над воротами, поскольку решетка перед окнами открыта, но сами окна закрыты. Они увиты побегами плюща. Гладкий камень наружной части контрфорса над окном порос мхом. Солнце исчезает, и снова на западный фасад опускается тень. Рашли там

обедают и спят, при свечах укладываются в постели и грезят. Я же, находясь в трех милях оттуда, в Тайуордрете, просыпаюсь посреди ночи от врывающегося ко мне крика мальчика, от стука его пальцев в стену, и вот в темноте ночи, живой, страшный, обвиняющий, является мне призрак сына Ричарда. Я сажусь в постели, покрывшись потом от ужаса. Услышав, что я проснулась, входит и зажигает свечу верная Мэтти.

Она заваривает чай, массирует мою больную спину, набрасывает мне на плечи шаль. Робин спит в соседней комнате спокойным сном. Я беру в руки книгу, но слишком силен напор моих мыслей, чтобы я могла забыться. Мэтти приносит бумагу и перо, и я начинаю писать. Мне нужно сказать так много, а времени на это отпущено так мало. Ибо я не заблуждаюсь насчет своего будущего, помимо выражения лица Робина, мой собственный инстинкт подсказывает мне, что эта осень будет последней. И пока защитительная речь моего Ричарда обсуждается высшим светом и прочно занимает место в архивах этого XVII века, моя объяснительная записка последует за мной в могилу и, неп прочитанная, обратится в прах вместе со мной.

Я выскажу за Ричарда то, чего он никогда не говорил сам, и я покажу, как, несмотря на его досадные недостатки и слабости, стало возможным, что женщина полюбила его всем сердцем, всем своим разумом и телом и что эта женщина — я. Я пишу глубокой ночью, при зажженной свече. Церковный

колокол в Тайуордрете отсчитывает первые утренние часы, и ни один звук не достигает моего слуха, кроме вздохов ветра за окном да бормотания прилива, поднимающегося через отмели к топям вниз от моста Сент-Блейзи.

¹ Прощай (*лат.*).

² Хайд Эдвард, граф Кларендон (1609–1674) — английский государственный деятель и историк, канцлер при дворе Карла II.

Глава 2

Впервые я увидела Гартред, когда мой старший брат Кит привез ее в Ланрест, представив нам как свою невесту. Ей было двадцать два года, а мне, самой младшей в семье, если не считать Перси, десять лет. Мы были большой счастливой семьей, очень дружной и независимой. Мой отец Джон Харрис ничем не интересовался, кроме лошадей, собак да мирных дел своей крохотной усадьбы. Ланрест не был большим имением, но, окруженный кольцом ветвистых деревьев, возвышался над долиной Лу — одно из тех спокойных, ухоженных поместий, которые как бы дремлют из года в год. Мы очень его любили. Еще и сегодня, по прошествии тридцати лет, стоит мне только закрыть глаза и подумать о доме, как в ноздри тут же ударяет такой знакомый аромат нагретого солнцем сена, приносимый легким ветерком. Я вижу огромное колесо, взбивающее воду на мельницах Ламеттона, ощущаю запах пыльного золотистого зерна. Небо всегда было белым от голубей. Они летали, проносились над нашими головами, такие ручные, что клевали зерно прямо у нас на ладонях. Расхаживающие с важным видом и воркующие, надутые и гордые, они создавали атмосферу уюта. В последующие годы их тихое воркование долгими осенними вечерами успокаивало меня, когда другие отправлялись на соколиную охоту, смеясь и громко переговариваясь, а я больше не могла составить им компанию. Но это уже другая глава. Я рассказывала о моей первой встрече с Гартред. Свадьбу сыграли в ее

доме, в Стоу, и мы с Перси, по причине какого-то детского заболевания, на ней не присутствовали. Это нелепейшим образом с самого начала породило во мне чувство обиды. Я, несомненно, была испорчена своими старшими братьями и сестрами, которые меня баловали, так же как и родители, но я вбила себе в голову, что невеста брата не желала видеть на своей свадьбе детей и боялась, что мы можем ее заразить.

Мне вспоминается, как я сижу в постели — глаза лихорадочно блестят — и спорю со своей матерью. «Когда выходила замуж Сесилия (Сесилия — это моя старшая сестра), мы с Перси несли шлейф, — говорю я. — И вместе со всеми ездили в Матеркомб, и Поллексефены нас очень хорошо приняли, правда, мы с Перси так наелись, что у нас разболелись животы». Мать сказала только, что на сей раз все иначе: Стоу — не Матеркомб, Гренвилы — не Поллексефены — что мне казалось весьма слабым аргументом, — и она никогда бы себе не простила, если бы мы передали нашу простуду Гартред. Все упиралось в Гартред. Остальное не имело значения. Невообразимый переполох поднялся, когда начали готовить спальню для молодоженов. Принесли новые портьеры, ковры, гобелены — все это, чтобы у Гартред не сложилось впечатления, будто Ланрест убог или запущен. Слуг заставили подмести полы, вытереть пыль, дом ходил ходуном: все суетились, работали не жалея сил.

Если бы это делалось для Кита, моего добродушного веселого братца, я бы не ворчала и ни на что не жаловалась. Но Кит словно перестал

существовать. Все было для Гартред. Я, как и все дети, прислушивалась к тому, о чем говорили слуги. «Молодой хозяин — наследник сэра Кристофера из Радфорда, потому-то она и выходит за него замуж», — шептались на кухне под звон посуды. Эти слова проникли мне в самую душу, и я часто задумывалась над ними, так же как и над ответом управляющего моего отца: «Не пристало члену семейства Гренвил опускаться до простого Харриса из Ланреста».

Эти слова рассердили меня и озадачили. Слово «простой» плохо соотносилось у меня в уме с обликом брата, которого я считала красивым. Почему это Харрис из Ланреста — неподходящая партия для одной из Гренвилов? Кит действительно был наследником нашего дяди Кристофера из Радфорда — имения с огромным домом-баракком по ту сторону Плимута, — но я как-то мало задумывалась над этим до сих пор. Я впервые поняла, испытав при этом нечто вроде шока, что брак — это не романтическая сказка, как я считала раньше, а серьезное мероприятие, сделка между влиятельными семействами с обговариванием имущественных прав. Когда Сесилия выходила замуж за Джона Поллексефена, которого знала с детства, я не испытала такого потрясения, однако сейчас, когда отец стал без конца ездить в Стоу и вести долгие беседы с адвокатами, а вид у него делался все более мрачным и хмурым, женитьба Кита становилась как бы самым настоящим государственным делом, которое в случае провала способно повергнуть страну в хаос.

Продолжая шпионить, я услышала, как адвокат сказал: «На брачном контракте настаивает не сэр Бернард Гренвил, а его дочь. Она помыкает отцом, вьет из него веревки».

Немного поразмыслив, я повторила услышанное своей сестре Мэри.

— Часто ли бывает, чтобы невеста оспаривала свою долю в наследстве? — задала я вопрос не по летам развитой девочки.

Мэри ответила не сразу. Хоть ей было уже двадцать, она мало разбиралась в жизни, и не думаю, чтобы она знала о ней больше моего. Я увидела, что она шокирована.

— Гартред — единственная дочь в семье, — вымолвила она наконец. — Быть может, ей просто необходимо обсудить условия брачного договора...

— Интересно, знает ли об этом Кит, — сказала я. — Не думаю, чтобы это ему понравилось.

Мэри тотчас велела мне попридержаться язык, предупредив, что так недолго превратиться в мегеру и тогда никто не будет меня любить. Ничуть не обескураженная, я, хоть и воздержалась от разговоров о брачном контракте с братьями, все же попросила Робина — уже тогда моего любимчика — рассказать мне о Гренвилах. Он только что вернулся с соколиной охоты и стоял на конном дворе: его красивое румяное лицо сияло, на рукавице сидел сокол, и я помню, как подалась назад, напуганная глубокими злобными глазами хищной птицы и кровью на ее клюве. Она никому, кроме Робина, не позволяла прикасаться к

себе, и он поглаживал ее перья. На конном дворе стоял невообразимый шум: чистили лошадей, в углу у стены кормили собак.

— Хорошо еще, что Кит сам, без твоей помощи, нашел себе невесту, — сказала я, в то время как птица наблюдала за мной из-под своих огромных полуопущенных век.

Робин улыбнулся и, протянув свободную руку, погладил мои локоны. Сокол гневно взъерошил перья.

— Будь я старшим сыном, — мягко сказал Робин, — я бы и был женихом на этой свадьбе.

Взглянув на него, я заметила, что улыбка на его лице сменилась выражением печали.

— А что, ты ей нравился больше? — спросила я.

Тут он отвернулся и, надев на сокола клубочок, передал его сокольничему. Затем он взял меня на руки и, опять улыбнувшись, произнес: — Пойдем нарвем вишен, и ни слова больше о невесте моего брата.

— Но кто такие эти Гренвилы? — не унималась я, пока он нес меня на плечах в сад. — Почему мы должны так гордиться, что породнились с ними?

— Бевил Гренвил — лучший в мире парень, — сказал Робин. — Кит, Джо и я учились вместе с ним в Оксфорде. А его сестра просто красавица.

Больше мне ничего не удалось из него вытянуть. Но мой брат Джо, обладавший более саркастичным и пронизательным умом, удивился моей неосведомленности, когда я чуть позже задала ему тот же вопрос.

— Неужели, достигнув зрелого возраста в десять

лет, Омор, — осведомился он, — ты так и не поняла, что в Корнуолле есть лишь две семьи, которые хоть чего-то стоят: Гренвилы и Арунделлы? Вполне естественно, что мы, скромные Харрисы, должны просто млеть от счастья, что наш дорогой братец Кит удостоился августейшей руки такой очаровательной девушки, как Гартред.

Сказав это, он уткнулся в книгу, на чем все и кончилось. На следующей неделе они все уехали в Стоу на свадьбу. Пришлось запастись терпением, но, когда они вернулись, мама и остальные сослались на усталость. И действительно, все они выглядели несколько измученными и были не в себе от такого количества угощений и развлечений, и только моя третья сестра Бриджет снизошла до разговора со мной. Она была в восторге от великолепия Стоу и гостеприимства Гренвиллов.

— Наш дом просто будка садовника по сравнению с домом в Стоу, — сказала она. — Помести Ланрест в один из уголков их парка, и никто его не заметит. Когда мы ужинали, двое лакеев стояли у меня за спиной, а в галерее все это время играли музыканты.

— А Гартред? — спросила я с нетерпением. — Что же Гартред?

— Да погоди ты, — сказала сестра. — Гостей было сотни две, если не больше. Мы с Мэри спали в такой просторной комнате, каких нет в нашем доме. Одна женщина прислуживала нам, причесывала нам волосы. Простыни меняли каждый день и опрыскивали их духами.

— А что еще? — спросила я, снедаемая завистью.

— Отец был несколько растерян, — прошептала она. — Я видела, как он несколько раз пытался вступить в разговор, но у него тут же пропадал голос, словно ему не хватало воздуха. И все мужчины были так великолепно одеты, что рядом с ними он выглядел довольно тускло. Сэр Бернард — красавец-мужчина. В день свадьбы он надел голубой бархатный камзол с серебряным позументом, а на папе был его зеленый костюм, который ему слегка тесноват. Он намного выше его ростом — сэр Бернард, я имею в виду, — и они очень смешно смотрелись, когда стояли рядом.

— Бог с ним с отцом, — сказала я. — Я хочу услышать о Гартред.

Бриджет улыбнулась с чувством превосходства.

— Но больше всех мне понравился Бевил, — продолжала она, — и другим тоже. Он все время был в центре внимания, следил, чтобы никто ни в чем не испытывал недостатка. Леди Гренвил показалась мне немного чопорной, но Бевил — сама любезность, и так элегантен во всем, что бы он ни делал. — Она замолчала на секунду. — Ты знаешь, у них у всех рыжевато-каштановые волосы, — сказала она с некоторой непоследовательностью. — Если кто-нибудь попадался нам на глаза с рыжевато-каштановыми волосами, можно было не сомневаться, что это один из Гренвиллов. Мне не очень понравился тот, которого зовут Ричардом, — добавила она с гримасой.

— Почему? Он так уродлив? — спросила я.

— Да нет, — ответила она, несколько смущенная. — Он даже красивее Бевила. Но он смотрел на всех нас с такой усмешкой, с таким презрением, а когда случайно наступил в толчее мне на платье, даже не извинился. «Вы сами виноваты, — имел он наглость заявить мне, — что оно тащится у вас по пыли». В Стоу мне сказали, что он военный.

— А что же Гартред? — снова спросила я. — Ты мне ее не описала.

Но, к моему разочарованию, Бриджет зевнула и поднялась со стула.

— О, как я устала! — сказала она. — Подожди до завтра. Знаешь, Мэри, Сесилия и я, мы единодушны в одном: нам бы хотелось скорее походить на Гартред, чем на какую-нибудь другую женщину.

В конечном счете мне пришлось довольствоваться своим собственным суждением. Мы все собрались в холле, чтобы их встретить — из Стоу они сначала отправились в имение моего дядюшки в Радфорде, — и, как только собаки услышали лошадей, они тотчас выбежали во двор.

Компания собралась большая, поскольку Поллексефены тоже были с нами; Сесилия держала на руках малыша Джоан — мою первую крестницу. Я очень этим гордилась, и все мы были счастливы, смеялись и весело разговаривали, потому что мы были одной дружной семьей и хорошо знали друг друга. Кит ловко спрыгнул с лошади — вид у него был очень веселый и жизнерадостный, — и я увидела Гартред. Она шепнула что-то Киту, он рассмеялся, покраснел и

протянул руку, чтобы помочь ей спуститься, и внезапно меня осенило: то, что она ему сейчас сказала, было частью их личной жизни и не имело никакого отношения к нам, к семье. Кит был уже не наш. Он принадлежал ей.

Я отошла в сторону, не желая знакомиться, как вдруг она оказалась рядом со мной, и я ощутила ее влажную руку на своем подбородке.

— Значит, ты Онор? — спросила она. Тон ее голоса подразумевал, что для моих лет я выгляжу слишком маленькой или болезненной, что в каком-то смысле я ее разочаровала.

Она вошла в большую гостиную, опередив мою мать, с уверенной улыбкой на губах, остальные же члены семьи, как замороженные, вошли следом. Перси, пучеглазый малыш, подошел к ней, и она вложила ему в рот конфету. «Она держит их наготове, — подумала я, — чтобы приручать нас, детей, как приручают чужих собак».

— Онор тоже хочет конфетку? — произнесла она не без некоторой насмешки в голосе, словно чувствовала, что больше всего я как раз и ненавижу, когда со мной обращаются как с ребенком. Я не в силах была оторвать глаз от ее лица. Оно мне что-то напоминало, и вдруг я вспомнила. Я была еще совсем маленькой, и мы с дядей проходили по оранжерее его сада в Радфорде. И там росла орхидея, совсем одна, цвета тусклой слоновой кости с малиновой прожилкой на лепестках. Весь дом наполнялся ее ароматом — медоносным, тошнотворно-душистым. Это был самый

очаровательный цветок из всех, что я когда-либо видела. Я протянула руку, чтобы погладить это нежное, бархатистое существо, но дядя тотчас схватил меня за плечо: «Не прикасайся к ней, детка. Стебелек ядовит».

Я в ужасе отступила. И действительно, цветок оцетинился мириадами волосков, липких и острых, словно тысяча шпаг.

Гартред была как та орхидея. Когда она протянула мне леденец, я отвернулась, покачав головой, и мой отец, никогда не говоривший со мной таким тоном, резко произнес: — Как ты себя ведешь, Онор?

Гартред засмеялась и пожала плечами. Все осуждающе посмотрели на меня, и даже Робин нахмурил брови. Мама велела мне подняться в свою комнату. Вот так Гартред появилась в Ланресте.

Супружество длилось три года, и рассказывать о нем не входит в мою задачу. Впоследствии случилось много такого, что в еще более ярких красках могло бы представить жизнь Гартред, а поединки, которые мы вели друг с другом в первые годы, кажутся сейчас довольно скучными и незначительными. Одно несомненно: между нами всегда шла война. Она была молода, уверена в себе, горда. Я же, надувшись, подглядывала за ней из-за дверей и ширм, и мы обе испытывали враждебные чувства друг к другу. Супруги больше времени проводили в Радфорде и Стоу, нежели в Ланресте, но я могу поклясться, что каждое появление ее у нас в доме отравляло жизнь всей семье. Я была всего лишь ребенком и не

рассуждала, однако ребенок, подобно животному, обладает инстинктом, который никогда не обманывает. Детей у них не было. Это явилось первым ударом, а также разочарованием для моих родителей — я сама слышала, как они об этом говорили. Моя сестра Сесилия исправно приезжала к нам перед очередными родами, Гартред же о них и не помышляла. Она, как и мы все, ездила на соколиную охоту, никогда не сидела одна в комнате и не жаловалась на усталость, как это вынуждена была делать Сесилия. Моя мать осмелилась однажды заметить: — С первого дня замужества я, Гартред, отказалась от верховой езды и охоты, чтобы не было выкидыша.

Гартред, подстригая ногти маникюрными перламутровыми ножницами, подняла на нее глаза и проговорила: — Мне нечего выкидывать, мадам, скажите спасибо за это своему сыну.

Услышав ее тихий, полный желчи голос, моя мать смотрела на нее какое-то время, озадаченная, затем встала и в отчаянии вышла из комнаты. Жало впервые коснулось и ее. Я не уловила сути разговора, но почувствовала, что Гартред зла на моего брата. Кит вошел несколькими мгновениями позже и, подойдя к Гартред, с упреком в голосе сказал: — Ты жаловалась на меня моей матери?

Оба выразительно посмотрели на меня, и я поняла, что мне следует покинуть комнату. Я вышла в сад, покормила голубей; я знала, что мир исчез из дома навсегда. С той минуты жизнь у них пошла

наперекосяк, да и у всех нас тоже. Даже характер у Кита как будто бы изменился. Он стал каким-то затравленным, беспокойным, что было так на него не похоже, и какая-то холодность появилась в его отношениях с отцом, который всегда с ним так хорошо ладил.

Кит вдруг стал вести себя агрессивно с отцом и со всеми нами, критикуя усадьбу Ланрест и сравнивая ее с Радфордом; и совсем иным было его отношение к Гартред, перед которой он продолжал унижаться самым гнуснейшим образом, чем не мог у меня вызвать к себе никаких иных чувств, кроме презрения. В следующем году он представлял Ист-Лу в парламенте, и они часто ездили в Лондон, так что виделись мы с ними редко, однако всякий раз, приезжая в Ланрест, они создавали своим присутствием напряженную атмосферу в семье, а однажды между Китом и Робинотом вспыхнула ссора. Это случилось вечером, когда родителей не было дома. Стояла самая середина душного и жаркого лета, и я, улизнув из детской спальни, спустилась в одной ночной рубашке в сад. Все домашние уже были в постелях. Помню, я скользила мимо окон, как маленькое привидение. Окно гостевой комнаты было распахнуто, и я услышала более громкий, чем обычно, голос Кита. Какая-то внутренняя бесовская сила заставила меня прислушаться.

— Куда бы мы ни поехали, — говорил он, — всегда повторяется одно и то же. Ты выставляешь меня шутот перед всеми мужчинами, а сегодня

поставила меня в глупое положение перед моим родным братом. Больше я не собираюсь этого терпеть.

Я услышала смех Гартред и увидела тень Кита, плясавшую на потолке в свете мерцающего пламени свечей. Какое-то время они разговаривали шепотом, затем Кит снова вспылал.

— Ты думаешь, я ничего не вижу, — говорил он. — Думаешь, я пал так низко, что закрою на все глаза, чтобы только не потерять тебя и иметь возможность прикасаться к тебе — хотя бы изредка. Или ты думаешь, что мне было приятно видеть, как ты улыбалась Энтони Денису в Стоу в тот вечер, когда я неожиданно вернулся из Лондона? Мужчине со взрослыми детьми, недавно похоронившему жену? Или тебе совсем на меня наплевать?

Умоляющие нотки, которые я так ненавидела, опять появились в его голосе, и я услышала, как Гартред вновь рассмеялась.

— А сегодня вечером, — продолжал он, — я видел, как ты улыбалась за столом моему родному брату.

Мне стало неловко и даже страшновато, но любопытство брало верх, и сердце едва не выскочило у меня из груди, когда я услышала шаги совсем близко на дорожке. Обернувшись, я увидела Робина, стоявшего рядом со мной в темноте.

— Уходи отсюда, — прошептал он. — Уходи немедленно.

Я показала рукой на окно.

— Там Кит с Гартред, — сказала я. — Он злится,

потому что она тебе улыбнулась.

Робин затаил дыхание, повернулся, словно собрался уходить, как вдруг опять раздался голос Кита — громкий и жуткий, словно он, взрослый мужчина, рыдал, как ребенок.

— Если это случится, я тебя убью. Клянусь Богом, я убью тебя!

Робин быстро нагнулся, подобрал с земли камень и швырнул его в оконную раму, разбив стекло.

— Будь ты проклят, трус! — вскричал он. — Выйди и лучше убей меня!

Я подняла глаза и увидела лицо Кита, бледное и искаженное, позади него стояла Гартред с растрепанными и рассыпавшимися по плечам волосами. Картина, которая навсегда врезалась мне в память: две головы в окне и Робин, такой вдруг не похожий на того брата, которого я всегда хорошо знала и любила, наполненный вызовом и презрением. Мне стало совестно за него, за Кита, за саму себя, но больше всего в ту минуту я ненавидела Гартред, которая, вызвав эту бурю, сама осталась в стороне.

Я повернулась и убежала, заткнув пальцами уши, зарылась в свою постель, не сказав никому ни слова, натянула на голову одеяло, боясь, что утром их всех троих найдут в траве мертвыми. Я так и не узнала, что случилось после моего ухода. Наступил новый день, и все было как всегда, если не считать того, что Робин куда-то уехал сразу после завтрака верхом на лошади и вернулся домой лишь после отъезда Кита и Гартред в Радфорд дней пять спустя. Мне так и не удалось

выяснить, узнал ли кто-нибудь из домочадцев об этом инциденте. Спросить я не осмелилась. С тех пор как в нашу семью вошла Гартред, мы утратили добрую старую привычку делиться нашими бедами и все стали более вежливыми и более замкнутыми.

В следующем, 1623 году Корнуолл охватила эпидемия оспы, и лишь немногие семьи не пострадали. В Лискарде люди запирали двери, а лавочники захлопывали ставни и отказывались торговать из страха заразиться.

В июне заболел мой отец и в считанные дни умер. Не успели мы оправиться от этого удара, как получили послание от моего дяди в Радфорде, сообщавшего, что Кит тоже заразился и нет никакой надежды спасти его.

Отец и сын скончались с интервалом в несколько недель, и главой семьи стал грамотей Джо.

Мы все были слишком удручены нашей двойной потерей, чтобы думать о Гартред, с первыми же признаками эпидемии удравшей в Стоу, оградив таким образом себя от печальной участи. Однако, когда пришло время вскрыть оба завещания — Кита и моего отца, — мы узнали, что если Ланрест, а чуть позже и Радфорд переходили к Джо, то плодородные земли Ламеттона и мельница навсегда закреплялись за Гартред.

На оглашение завещания она приехала вместе со своим братом Бевилом, и даже Сесилия, самая кроткая из моих сестер, выразила впоследствии свое удивление поведением Гартред, ее ледяной

самонадеянностью, а также тем, с какой жадностью она следила за обмером каждого акра земли в Ламеттоне. Бевил, тоже женившийся и ставший нашим соседом в Киллигарте, делал все возможное, чтобы устранить неприязнь, которую он не мог не заметить между нами, и, хотя я была тогда всего лишь ребенком, я помню, какой несчастной я себя чувствовала и как мне было неловко оттого, что из-за нас он попал в столь трудное положение. Неудивительно, что мы его любили, и я все пыталась понять, что же он в глубине души думает о своей сестре и не ослеплен ли он, как другие мужчины, ее красотой.

Когда дела были улажены и они уехали, все мы, наверное, вздохнули с облегчением, что обошлось без скандала, а то обстоятельство, что Ланрест перешел к Джо, явилось для матери немалым утешением, хотя она ничего и не сказала.

Робин не показывался в доме это время, и, по-видимому, никто, кроме меня, не догадывался о причине его отсутствия.

Утром того дня, когда должна была уехать Гартред, что-то заставило меня остановиться возле спальни, дверь которой была открыта, и посмотреть на нее. Ранее она заявила, что все находившееся в комнате принадлежало Киту, а следовательно — и ей. Накануне слуги весь день снимали портьеры и выносили мебель, которую она пожелала увезти с собой. В ту минуту она была совсем одна и рылась в небольшом секретере, стоявшем в углу. Гартред не

знала, что я за ней наблюдала, и я наконец увидела ее смазливую мордочку без маски. Нахмутив брови, выпятив губы, она дернула ящичек с такой силой, что его лицевая часть разлетелась на куски у нее в руках. В глубине ящичка лежало несколько украшений, не представлявших, я думаю, большой ценности, но она не забыла взять и их. И тут она увидела мое отражение в зеркале.

— Ты нас просто осчастливишь, если оставишь нам голые стены, — сказала я ей, когда наши взгляды встретились. Будь отец жив, он бы высек меня за такие слова, да и братья тоже, но мы были одни.

— Ты всегда шпионила за мной, с первого же дня, — проговорила она совсем тихо, но, поскольку я не была мужчиной, она не улыбнулась.

— На то и глаза, чтобы все видеть, — парировала я.

Гартред медленно положила драгоценности в мешочек, висевший у нее на поясе.

— Радуйся, что наконец избавилась от меня, — сказала она. — Вряд ли мы увидимся когда-нибудь снова.

— Очень на это надеюсь, — ответила я.

Вдруг она рассмеялась.

— Какая жалость, что у твоего брата не было хотя бы малой толики твоего характера.

— У которого?

Она на мгновение смолкла, не ведая, насколько я в курсе их отношений, а затем, улыбаясь, провела по моей щеке своим длинным тонким пальцем.

— У всех, — наконец произнесла она и развернулась ко мне спиной, чтобы позвать из соседней комнаты лакея. Я медленно спустилась по лестнице, озадаченная кучей новых вопросов, роившихся у меня в голове. В холле Джо поправлял висевшую на стене большую карту. Я молча прошла мимо него в сад.

Она покинула Ланрест в полдень в паланкине, и ее отъезд сопровождался ржанием лошадей и шумом прислуги из Стоу, выносившей ее пожитки. Из укрытия в саду я видела, как процессия в облаке пыли исчезла по дороге на Лискард.

— Вот и все, — сказала я сама себе. — Я вижу их в последний раз. С Гренвилами покончено.

Однако судьба распорядилась иначе.

Глава 3

Мое восемнадцатилетие. Солнечный декабрьский день. Мечтами унесясь под облака, как птица, я восторженно следила из дома в Радфорде за тем, как по сверкающему морю на всех парусах в Плимутский залив входит флотилия его величества.

Меня мало волновало, что экспедиция потерпела неудачу и Ла-Рошель во Франции осталась незавоеванной: пускай об этом судачат старшие.

Здесь, в Девоне, смеялись, радовались, молодежь устроила себе настоящий праздник. Какое захватывающее зрелище: около восьмидесяти кораблей собралось на небольшом пространстве между островом Дрейка и Маунтом; белоснежные паруса, наполненные западным ветром, разноцветные флаги, развевающиеся на золотистых мачтах. Каждое судно, проходившее мимо форта Маунт-Баттен, приветствовали орудийным залпом, и, салютуя в ответ на залп своими флагами, оно бросало якорь у входа в Каттуотер. Собравшиеся на скалистом берегу люди кричали и размахивали платочками, а с самих кораблей доносилось громогласное «ура». Била барабанная дробь, трубили горны, солдаты высыпали на палубы, толклись у высоких фальшбортов, карабкались на такелаж; приветствуя толпу, они размахивали сверкающими на солнце клинками. Те, что собрались на корме, были офицерами; расхаживая вдоль бортов, они щеголяли своими камзолами, расшитыми малиновой, голубой и ярко-зеленой тканью.

На грот-мачте каждого корабля развевалось командирское знамя, и когда толпа узнавала цвета и герб командующих из Девона или Корнуолла, громогласное «ура!» вновь сотрясало воздух, и люди на судне отвечали ей тем же. Был хорошо виден двуглавый орел Годолфинов, бегущий олень Треванионов из Каэрхейза, шесть ласточек многочисленного клана Арунделлов и самый, быть может, красивый — гребень шлема Чампернаунов из Девона: лебедь, держащий в клюве золотую подкову.

Корабли поменьше, выкрашенные в светлые тона, с узкими, темными от солдатни палубами, также прокладывали себе путь среди своих громадин-собратьев, и я узнавала суда, которые когда-то видела стоящими на якоре в портах Лу и Фоя, — выцветшие и потрепанные в сражениях, они тем не менее с триумфом несли на себе штандарты тех, кто их построил, укомплектовал личным составом и подготовил к войне; среди них выделялась волчья голова нашего соседа Трелони и корнуолльская красноклювая ворона Рашли из Менебилли.

На адмиральском корабле — огромном трехмачтовике — находился главнокомандующий экспедицией герцог Бекингем³. На приветствие с Маунт-Баттена корабль ответил залпом шести орудий, и мы увидели развевавшийся на топ-мачте брейд-вымпел герцога. Судно бросило якорь, развернулось по ветру, его примеру последовала вся флотилия, и воздух наполнился лязгом выбрасываемых на причал сотен швартовых тросов, и грохот этот слышен был не

только на прибрежных скалах ниже Радфорда, где расположились мы, — его отзвуки доносились до самого Солташа у устья реки Теймар. Медленно развернувшись кормой к Косэнду и Корнуолльскому побережью, корабли выстроились в ряд. Солнце сверкало в их окнах и отражалось на декоративных резных изображениях — извивающихся змеях и львиных лапах.

И по-прежнему над водной гладью трубили горны и гремела барабанная дробь. Внезапно воцарилась тишина, крики смолкли, и на адмиральском корабле, возглавляемом герцогом Бекингемом, кто-то громким, звонким голосом отдал приказ. Теснившиеся у фальшбортов солдаты организованно, без толчеи и суматохи, выстроились в ряд на палубе судна. Затем последовал еще один приказ, прозвучала короткая барабанная дробь, и так же организованно на воду были спущены шлюпки, раскрашенные весла поднялись вверх, и гребцы на банках застыли в ожидании очередной команды.

На все это ушло, наверное, минуты три; скорость и точность выполнения маневра были встречены, пожалуй, самым громогласным за весь день криком «ура!», и я почувствовала, как по непонятной причине глупые слезы потекли по моим щекам.

— Я так и думал, — произнес стоявший рядом со мной парень. — Только один человек на западе способен превратить бесформенную массу в воинов, достойных гвардии его величества. Видите герб Гренвиллов под брейд-вымпелом герцога Бекингема?

Не успел он договорить, как я увидела на топмачте пунцовый стяг, развевавшийся на ветру и блестящий на солнце тремя золотистыми полосками.

Шлюпки с сидевшими на корме офицерами отчалили от борта судна — и тут снова началось веселье: переполненные людьми плимутские лодки вышли из Каттуотера приветствовать флотилию — весь залив тотчас запестрел крохотными суденышками, а собравшиеся на скалах люди бросились бежать в сторону Маунт-Баттена, крича и расталкивая друг друга локтями, чтобы первыми приветствовать причалившие шлюпки. Очарование было нарушено, и мы возвратились в Радфорд.

— Отличный финал для твоего дня рождения, — сказал брат, улыбаясь. — По приказу герцога Бекингема мы все приглашены на банкет в замок.

Он уже вернулся из крепости в Маунт-Баттене и встречал нас, стоя на крыльце дома. Джо унаследовал поместье в Радфорде после кончины моего дяди Кристофера несколько лет назад, и теперь большую часть времени мы проводили то в Плимуте, то в Ланресте. Джо и вправду стал лицом весьма важным, особенно в Девоне. Являясь заместителем шерифа графства, он вдобавок ко всему женился на богатой наследнице, Элизабет Чампернаун, чьи приятные манеры и уравновешенность компенсировали отсутствие красоты. Моя сестра Бриджет также последовала примеру Сесилии и породнилась с одной из семей Девона. Лишь мы с Мэри оставались еще невенчанными.

— Сегодня вечером тысячи парней будут слоняться по улицам Плимута, — пошутил Робин. — Ручаюсь, что, если мы пустим девочек погулять, они быстренько найдут себе мужей.

— Тогда надо подрезать язычок Онор, — заявил Джо. — Потому что любой парень сразу забудет о ее голубых глазах и локонах, как только она начнет его чихвостить.

— Оставьте меня в покое, — сказала я им. — Я сама о себе позабочусь.

Просто я всегда была любимицей семьи, ребенком, которого все баловали, неуступчивым и острым на язык. Кроме того, я была — каким это кажется сейчас далеким — первой красавицей в семье, хотя черты лица у меня были скорее дерзкими, чем правильными, и мне приходилось еще приподниматься на цыпочках, чтобы быть вровень с плечами Робина. Я вспоминаю, как мы той ночью садились в лодку у подножия крепости, чтобы по Каттуотеру доплыть до замка. Весь Плимут, казалось, был либо на воде, либо на крепостных стенах, а чуть дальше к западу слабо мерцали огни стоявшей на якоре флотилии, кормовые фонари которой отражались в темной воде. Когда мы причалили, у входа в замок уже толпился народ и повсюду были солдаты, они смеялись и болтали в окружении девиц, которые забрасывали их цветами и карнавальными лентами. На перевернутых рыбацких лодках рядом с жаровнями стояли бочки с элем, тележки, доверху заполненные лепешками, сырами, и я, помню, подумала тогда, что девицы, бражничавшие

с солдатами, вероятно, получат большее удовольствие от этого вечера, нежели мы, вынужденные вести себя с достоинством в пределах замка.

В один миг мы из радостного шума городских улиц перенеслись совсем в другой мир, где стоял тяжелый аромат духов, шелков, бархата и пряных блюд, и оказались в огромном банкетном зале, под высокими сводами которого голоса звучали глухо и странно. То и дело раздавался звонкий крик лейб-гвардейца: «Дорогу герцогу Бекингему!» — и все расступались перед главнокомандующим, который ходил туда-сюда среди гостей, держась с таким достоинством, точно он был сам король.

Все это выглядело так красочно и так волнующе, что я — выросшая в располагающей к лени тишине Ланреста — чувствовала, как все сильнее бьется мое сердце и розовеют щеки: в юном моем воображении все это великолепие казалось подарком к моему дню рождения.

— Какая красота! Ты не рада, что мы пришли сюда? — спросила я Мэри.

Всегда сдержанная среди незнакомых людей, она тронула меня за руку и прошептала:

— Говори потише, Онор, ты привлекаешь внимание.

Она скромно встала у стены, а я вышла вперед, пожирая все вокруг жадным взглядом, улыбаясь даже незнакомцам и ничуть не беспокоясь, что могу показаться дерзкой, как вдруг толпа расступилась и

свита герцога направилась прямо на нас. Мэри куда-то исчезла, и я одна оказалась у него на пути. Помню, я секунды две стояла в замешательстве, а потом, теряя самообладание, сделала реверанс, как перед самим королем Карлом, и тут над головой у меня раздался смешок. Подняв глаза, я увидела своего брата Джо: лицо его выражало странную смесь веселья и смятения; выйдя вперед из толпившейся возле герцога группы людей, Джо наклонился и помог мне подняться, ибо я присела так низко и так перетрусилась, что сама никогда бы не смогла выпрямиться. «Могу ли я представить вам мою сестру Онор, ваша светлость? — услышала я его голос. — Сегодня ей исполнилось восемнадцать, и это ее первый выход в свет».

Герцог Бекингем важно поклонился и, поднеся мою руку к губам, пожелал мне счастья.

— Возможно, это и первый выход вашей сестры, мой дорогой Харрис, — любезно заметил он, — но она так мила, что смотрите, как бы он не оказался последним.

Он поплыл дальше благоухающей волной бархата, а мой брат, увязавшийся следом за ним, строго посмотрел на меня через плечо, и я вполголоса чертыхнулась — а может, и не вполголоса, а достаточно громко произнесла грубое слово, которое я узнала от самого Робина, — потому что я услышала, как кто-то сзади меня сказал:

— Если желаете подняться на стены крепости, я покажу вам, как это сделать лучше всего.

Вспыхнув от возмущения, я резко обернулась: сверху вниз на меня смотрел, язвительно улыбаясь, офицер, ростом футов в шесть или больше. На нем был серебряный нагрудник, надетый поверх голубого мундира с серебристо-синим поясом. У него были золотисто-карие глаза, темно-каштановые волосы, а в ушах у него я заметила маленькие золотые колечки, совсем как у турецкого пирата.

— А может, вы покажете мне, как делать реверанс или как надо ругаться? — зло бросила я ему.

— И то и другое, если вам так хочется, — ответил он. — Ваша первая попытка была весьма жалкой, а вторая — всего лишь дилетантской.

Его бесцеремонность лишила меня дара речи, я просто не могла поверить своим ушам. Я стала искать глазами Мэри или Элизабет, невозмутимую и всегда спокойную супругу Джо; они обе растворились в толпе, а меня окружали незнакомые люди. Самым правильным было бы с достоинством удалиться. Я развернулась на каблуках и, расталкивая локтями толпу, решительно направилась к выходу, как вдруг опять услышала позади себя громкий и насмешливый голос:

— Дорогу госпоже Онор Харрис из Ланреста!

Люди изумленно смотрели на меня, инстинктивно расступались, очищая проход. С пылающими щеками, едва ли осознавая, что делаю, я бежала прочь и очутилась вдруг не у главного входа, как надеялась, а на парапетной стене, откуда открывался вид на Плимутский залив.

Внизу, на вымощенной булыжником площади, пел и танцевал народ. Мой одиозный спутник по-прежнему был со мной: он стоял, положив руку на эфес шпаги, и смотрел на меня сверху вниз все с той же язвительной ухмылкой на лице.

— Значит, вы и есть та девчонка, которую так сильно ненавидела моя сестра, — промолвил он.

— Что вы, черт побери, хотите сказать? — спросила я.

— Будь я на ее месте, я бы вас за это отшлепал.

Что-то до боли знакомое сквозило в его взгляде и голосе.

— Кто вы? — спросила я.

— Сэр Ричард Гренвил, — ответил он. — Полковник королевской армии, получивший недавно рыцарское звание за храбрость, проявленную на поле боя.

Он принялся напевать, поигрывая поясом.

— Жаль, — сказала я, — что манеры у вас не под стать вашей смелости.

— И что ваше поведение, — парировал он, — не соответствует вашей внешности.

Этот намек на мой рост — я не подросла ни на дюйм после того, как мне исполнилось тринадцать, — вызвал во мне новый приступ ярости. Я разразилась градом ругательств, да таких, что Джо или Робин наверняка бы не осмелились произнести в моем присутствии и которые я выучила лишь благодаря своей неискоренимой привычке подслушивать, но, если я думала, что заставлю Ричарда Гренвила

побледнеть, я напрасно теряла время. Он терпеливо меня выслушал, задрав подбородок, как учитель, которому отвечают урок, и, покачав головой, произнес:

— Для английского языка характерна определенная вульгарность, которая сейчас не совсем уместна. Испанский более изыскан и гораздо больше подходит вспыльчивому характеру. Вот послушайте.

И он начал ругаться по-испански, окатив меня целым потоком приятно звучащих ругательств, которые наверняка вызвали бы у меня восторг, если бы исходили от Джо или Робина. Слушая, я вновь стала искать в нем сходство с Гартред, но оно исчезло. Он напоминал своего брата Бевила, только был еще больший бахвал и, несомненно, больший щеголь: я почувствовала, что ему неинтересно ничье мнение, кроме своего собственного.

— Согласитесь, — сказал он, внезапно перестав ругаться, — что я вас сразил.

Меня «сразила» также и его обезоруживающая улыбка, больше не казавшаяся мне язвительной, и я почувствовала, как гнев мой тает.

— Пойдемте же посмотрим на флотилию, — предложил Ричард. — Корабль, стоящий на якоре, — это красиво.

Мы поднялись на крепостной вал и стали любоваться оттуда заливом. Было безветренно, безоблачно, взошла луна. Неподвижные силуэты кораблей выделялись в ее бледном свете. Мужчины пели, их голоса, пронесаясь над водой, достигли

нашего слуха, четко выделяясь среди грубоватых криков веселящейся на улицах толпы.

— Вы потеряли много людей в Ла-Рошели? — спросила я.

— Не больше, чем я ожидал потерять в походе, обреченном на неудачу, — ответил он, пожимая плечами. — Вон на тех кораблях полно раненых, которые никогда не выздоровеют. Было бы гуманнее выбросить их за борт.

Я с сомнением взглянула на него, подумав, не является ли это очередным проявлением его весьма своеобразного чувства юмора.

— Единственные, кто отличились в бою, — парни из полка, которым я имею честь командовать, — продолжал он, — но поскольку только я из офицеров забочусь о дисциплине, то неудивительно, что крепость так и не была взята.

Его самонадеянность поразила меня не меньше, чем его недавняя грубость.

— Вы говорили об этом с вашими командирами? — спросила я.

— Если командирами вы называете тех, кто превосходит меня в знании военного дела, то таковых не существует. Что же касается моих непосредственных начальников по званию, то да, я высказал им все, что думаю. Вот почему, хотя мне еще нет и двадцати девяти лет, я уже стал офицером, которого больше всего ненавидят в армии его величества.

Он посмотрел на меня, улыбаясь, и я в очередной

раз не нашлась, что сказать.

Я подумала о своей сестре Бриджет, о том, как он наступил на шлейф ее платья на свадьбе Кита; интересно, был ли кто-нибудь на свете, кто любил его.

— А с герцогом Бекингемом вы разговариваете таким же тоном? — поинтересовалась я.

— О, мы с Джорджем старые друзья, — ответил он. — Он всегда делает то, что ему советуют. С ним никаких хлопот. Взгляните-ка вон на тех нализовавшихся парней во дворе. Боже, будь они в моем подчинении, я бы их повесил, ублюдков.

Он показывал вниз, на площадь, где кучка подвыпивших солдат, собравшихся вокруг бочки с элем, переругивалась между собой, а рядом выясняли отношения несколько визгливых женщин.

— Их можно понять, — сказала я, — они так долго были в море.

— Да пусть они осушат всю бочку и изнасилуют всех женщин Плимута, мне наплевать, только пусть делают это как люди, а не как животные и выстирают сначала свои грязные камзолы, — с отвращением произнес он. — Ну а сейчас, — вдруг повернулся он ко мне, — давайте посмотрим, получится ли у вас реверанс передо мной лучше, чем перед герцогом. Подберите юбку, вот так. Согните правое колено, так; а теперь дайте вашей крохотной попке опуститься на левую ногу. Вот.

Я подчинилась, трясясь от смеха, ибо мне казалось в высшей степени забавным, что полковник армии его величества обучает меня хорошим манерам на

парапетной стене Плимутского замка.

— Уверяю вас, это вовсе не смешно, — важно проговорил он. — Неуклюжая женщина выглядит ужасно невоспитанной. Превосходно! Еще раз. Отлично. Вы все можете, когда захотите. Оказывается, вы просто ленивая, претенциозная девчонка, которую никогда не били братья.

Он с неслыханной дерзостью поправил мне платье, подровнял кружева у меня на плечах.

— Ненавижу ужинать с неопрятными женщинами, — сказал он шепотом.

— Я тоже не собираюсь с вами ужинать, — тотчас парировала я.

— Могу поручиться, что никто другой вас не пригласит, — ответил он. — Пойдемте, возьмите меня под руку. Не знаю, как вы, а я очень голоден.

Ричард отвел меня назад в замок, где, к своему изумлению, я обнаружила, что гости уже расселись за длинными столами в банкетном зале и прислуга разносит блюда. Наше появление не осталось незамеченным, и я вновь стала терять самообладание. Все-таки не надо забывать, что это был мой первый выход в свет.

— Пойдемте отсюда, — умоляла я и тащила его за рукав. — Видите, для нас и места уже не осталось: все стулья заняты.

— Уйти? Ни за что. Я должен поужинать.

Он стал прокладывать себе путь, расталкивая слуг и силой увлекая меня за собой. Я видела, как сотни лиц поворачивались в нашу сторону, слышала

нестройный шум голосов; в какой-то миг я заметила свою сестру Мэри, сидевшую рядом с Робинсом в самом центре зала. Я поймала на себе ее взгляд, полный изумления и ужаса, она шепнула что-то моему брату, и я смогла прочесть на ее губах слово «Онор». Я не могла остановиться и путалась в платье, увлекаемая неумолимой рукой Ричарда Гренвила к столу для почетных гостей в конце зала, где рядом с графиней Маунт Эджкьюмб сидел сам герцог Бекингем и вся знать Корнуолла и Девона, чинно пировавшая отдельно от толпы.

— Вы ведете меня к столу для почетных гостей, — запротестовала я и изо всех сил дернула его за руку.

— Что ж такого? — Он удивленно поглядел на меня сверху вниз. — Разрази меня гром, если я буду ужинать где-нибудь еще! Место сэру Ричарду Гренвилу!

Услышав его голос, слуги прижались к стене, головы повернулись, и я увидела, что герцог Бекингем прервал разговор с графиней. Выдвинули стулья, гости потеснились, и мы оказались за столом на расстоянии вытянутой руки от самого герцога. Леди Маунт Эджкьюмб бросала на меня ледяные взгляды. Ричард Гренвил нагнулся, улыбаясь, и произнес:

— Я полагаю, вы знакомы, графиня, с Онор Харрис, моей родственницей. Сегодня у нее день рождения. Ей исполнилось восемнадцать.

Графиня молча кивнула.

— Вы можете не особенно обращать на нее внимание, — сказал мне Ричард Гренвил. — Она

глуха как пень. Только, ради бога, улыбайтесь и не смотрите таким стеклянным взглядом!

Я готова была сквозь землю провалиться от стыда. В отчаянии я принялась за жаркое из лебеда, которое лежало в моей тарелке.

Герцог Бекингем взял в руки бокал и обратился ко мне со словами:

— Поздравляю вас с днем рождения.

Я пробормотала что-то благодарно в ответ и встряхнула локонами, чтобы скрыть свои пылающие щеки.

— Простая формальность, — шепнул мне на ухо Ричард Гренвил. — Не дайте вскружить себе голову. У Джорджа дюжина любовниц, и он обожает королеву Франции.

Ел он с явным удовольствием, после каждого проглоченного куска черня своих соседей, не заботясь даже о том, чтобы понизить голос, и я могла бы поклясться, что его слышали. Ела и пила я безо всякого аппетита и чувствовала себя на том нескончаемом пиршестве как вынутая из воды рыба. Наконец пытка кончилась и мой спутник поднял меня со стула. От вина, которое я пила словно воду, ноги мои сделались ватными, я была вынуждена опираться на своего кавалера. Я плохо помню, что было потом. Звучали музыка, песни, и сицилийские танцоры, украшенные лентами, исполняли тарантеллу. Последние головокружительные вихри их танца оказались для меня роковыми. Я помню, к своему стыду, что оказалась в каких-то внутренних покоях

замка — достаточно темном и укромном месте, где природа сделала свое дело: жаркое из лебеда рассталось со мной. Открыв глаза, я обнаружила, что лежу на кушетке, Ричард Гренвил держит меня за руку, вытирая мне лоб носовым платком.

— Вам нужно научиться пить не пьянея, — строго заметил он.

Мне было очень плохо и стыдно, слезы навернулись у меня на глаза.

— О нет, — сказал он, и его голос, до сих пор такой резкий, прозвучал вдруг до странности нежно. — Не нужно плакать. Только не в день своего рождения.

Он продолжал прикладывать к моему лбу платок.

— Я... ни-никогда раньше не ела жа-жаркое из лебеда, — произнесла я, заикаясь и зажмуриваясь при одном только воспоминании о еде.

— Это не столько из-за лебеда, сколько из-за бургундского, — пробормотал он. — Полежите, скоро вам станет лучше.

У меня и вправду все еще кружилась голова, и я испытывала такую признательность к сильной его руке, какую могла бы испытать к руке собственной матери. Мне вовсе не казалось странным, что я лежу обессиленная в темной незнакомой комнате, а Ричард Гренвил ухаживает за мной, весьма удачно справляясь с обязанностями сиделки.

— Поначалу я возненавидела вас. Теперь вы начинаете мне нравиться, — сказала я ему.

— Печально, что я снискал вашу милость лишь

после того, как вас стошнило, — ответил он.

Я рассмеялась, но тут же снова застонала: лебедь вышел еще не полностью.

— Обопритесь на мое плечо, — посоветовал он. — Бедняжка, какое неудачное окончание дня рождения!

Я чувствовала, как он трясется от бесшумного смеха, хотя его голос, его руки были до странности нежными, и мне с ним было хорошо.

— Вы чем-то похожи на вашего брата Бевила, — заметила я.

— Нет, — возразил он. — Бевил — джентльмен, я — негодяй. Я всегда был паршивой овцой в семье.

— А Гартред?

— Гартред ни с чем не считается, кроме себя самой. Вам следовало понять это, когда вы были еще совсем юной, ведь она вышла замуж за вашего брата.

— Я ненавидела ее всем сердцем, — призналась я.

— Вряд ли в этом есть ваша вина.

— Она сейчас довольна, после того как второй раз вышла замуж?

— Гартред никогда не будет довольна. Она жадна от природы, и не только к деньгам, но и к мужчинам. У нее были виды на Энтони Дениса, своего теперешнего мужа, задолго до смерти вашего брата.

— И не только на Энтони Дениса, — вставила я.

— У вас не по возрасту длинные уши, — произнес он.

Я села, привела в порядок прическу, пока Ричард поправлял на мне платье.

— Вы были очень добры со мной, — сказала я,

напуская на себя важность и вспомнив вдруг о своих восемнадцати годах. — Я не забуду этого вечера.

— Я тоже, — ответил он.

— Может, будет лучше, если вы отведете меня к моим братьям?

— Может быть.

Я неуверенно шагнула из темной комнаты в освещенный коридор.

— Где мы были все это время? — неуверенно спросила я, взглянув на него через плечо.

Он засмеялся и покачал головой.

— Это знает только Господь Бог. Бьюсь об заклад, это кабинет, в котором Маунт Эджкьюмб расчесывает волосы. — Он взглянул на меня, широко улыбаясь, и на секунду коснулся рукой моих локонов. — Никогда еще мне не доводилось дежурить у постели женщины, которую выворачивает наизнанку.

— Так же как и я никогда не позорилась так перед мужчиной, — достойно парировала я.

Вдруг он наклонился и приподнял меня на руках, словно ребенка.

— Так же как мне никогда еще не случалось оставаться в темной комнате с такой красавицей, как вы, Онор, и не заниматься при этом с ней любовью.

И, прижав меня на миг к груди, он вновь опустил меня на пол.

— А теперь, если позволите, я отведу вас домой, — сказал он.

Вот, по-моему, очень ясный и правдивый рассказ о моей первой встрече с Ричардом Гренвиллом.

³ *Бекингем Джордж Вильерс, герцог* (1592–1628) — английский государственный деятель, фаворит королей Якова I и Карла I.

Глава 4

Спустя неделю после только что описанной встречи меня отправили к матери в Ланрест, очевидно, в наказание за мое скверное поведение; дома мне пришлось, наверное, раз в двадцатый выслушать наставление по поводу того, как должна себя вести девушка моего возраста и воспитания. Получалось, что я нанесла ущерб буквально всем. Я осрамила Джо своим нелепым реверансом герцогу Бекингему, а позже оскорбила его жену Элизабет, заняв более почетное место и отужинав за столом, куда ее даже не пригласили. Я провинилась в том, что провела весь вечер не с моей сестрой Мэри и была замечена прогуливающейся на парапетной стене в обществе молодого офицера. Наконец, видели, как после полуночи я выходила вся растрепанная из личных покоев хозяев замка.

Подобное поведение, как строго заметила мать, может окончательно скомпрометировать меня в глазах высшего света, и, будь жив отец, он вероятнее всего отправил бы меня в монастырь годика этак на два, на три в надежде, что мое временное отсутствие поможет забыть инцидент. Теперь же остается лишь сокрушаться этой неудаче, а поскольку мои сестры Сесилия и Бриджет вновь собираются рожать и не могут никого принять, то меня придется оставить дома.

После Радфорда жизнь здесь казалась мне довольно скучной, поскольку Робин остался в Радфорде, а мой младший брат Перси был в Оксфорде.

Так что я оказалась наедине со своим «бесчестьем». Помнится, несколько недель спустя после моего возвращения, в один из первых дней весны, я в дурном настроении сидела на яблоне, любимом укрытии моего детства, когда заметила всадника, поднимающегося вверх по долине. Он на какое-то время скрылся за деревьями, затем топот копыт его лошади стал отчетливее, и я поняла, что он направляется в Ланрест. Решив, что это Робин, я слезла с яблони и побежала к конюшням. Лакей вел незнакомую, серую в яблоках, лошадь в стойло, и еще я заметила фигуру высокого мужчины, входившего в дом. Я хотела, по своей старой привычке, спрятаться в засаде за дверью гостиной, как вдруг увидела спускавшуюся по лестнице мать.

— Иди к себе в комнату, Онор, — с важным видом заявила она, — и оставайся там, пожалуйста, пока гость не уедет.

Моим первым побуждением было спросить его имя, но я вовремя сдержалась и, стораю от любопытства, молча пошла наверх. Оказавшись у себя, я вызвала колокольчиком Мэтти, девушку, которая уже несколько лет прислуживала мне и моим сестрам и которую я сделала своей союзницей. У нее был почти такой же острый, как у меня, слух, такой же тонкий нюх, а глаза на ее круглом некрасивом лице светились озорством. Она уже догадалась, что мне от нее нужно.

— Я подожду в коридоре и, когда он выйдет, узнаю его имя, — защебетала она. — Высокий

господин, красивый мужчина.

— Наверное, кто-то из Бодмина, — переполошилась я, вдруг вспомнив, что мать грозилась отправить меня в монастырь.

— Да нет же, что вы! — Она всплеснула руками. — Это молодой господин в голубом плаще, расшитом серебром.

Серебристый и голубой. Цвета Гренвиллов.

— А волосы у него не рыжие, Мэтти? — спросила я, слегка волнуясь.

— Такие, что недолго и обжечься.

Вот вам и приключение: скуку как рукой сняло. Я отослала Мэтти вниз, сама же принялась ходить взад и вперед по комнате, сгорая от нетерпения. Свидание оказалось недолгим; вскоре отворилась дверь гостиной и звонкий отрывистый голос, который я хорошо запомнила, попрощался с моей матерью; затем я услышала звук шагов в коридоре, а потом — во дворе. Окно моей комнаты выходило в сад, поэтому я не могла ничего видеть; те несколько минут, пока я ждала Мэтти, показались мне вечностью. Глаза ее блестели. Она вытащила из-под фартука клочок скомканной бумаги и серебряную монетку.

— Он велел мне передать вам записку, а крону оставить себе, — сказала она.

Воровато, как преступница, я развернула записку.

Дорогая сестра, — прочитала я, — хоть Гартред и поменяла Харриса на Дениса, я по-прежнему считаю себя Вашим братом и оставляю за собой право видеться с Вами. Ваша матушка,

придерживающаяся, похоже, иного мнения, заверила меня, что Вы нездоровы, и попросилась со мной тоном, не располагающим к дискуссии. Не в моих привычках бесцельно промчаться галопом десять миль. Поэтому велите прислуге отвести меня в какой-нибудь уголок Вашей усадьбы, где мы могли бы побеседовать без свидетелей, ибо я знаю: Вы больны не больше, чем Ваш брат и покорный слуга Ричард Гренвил.

Первой моей мыслью было не отвечать: слишком уж он уверен в том, что я соглашусь, однако любопытство и бешено колотившееся сердце взяли верх над моей гордыней, и я велела Мэтти показать гостю фруктовый сад, но только чтобы он шел туда не сразу, потому что его могут заметить из дома. Когда она ушла, я прислушалась к шагам матери: она уже поднялась по лестнице и подходила к моей спальне. Она застала меня у окна, сидящей с молитвенником на коленях.

— Рада видеть тебя такой благочестивой, Онор, — сказала она.

Я не ответила, смиренно опустив глаза.

— Сэр Ричард Гренвил, с которым ты таким неподобающим образом вела себя на прошлой неделе в Плимуте, только что уехал, — продолжала она. — Кажется, он временно покинул армию и собирается обосноваться поблизости от нас в Киллигарте, оставаясь членом парламента от Фоя. Довольно неожиданное решение.

Я продолжала хранить молчание.

— Я никогда не слышала о нем ничего хорошего, — заметила мать. — Он всегда доставлял неприятности своей семье и был тяжелым испытанием для своего брата Бевила, потому что не вылезал из долгов. Вряд ли он будет для нас приятным соседом.

— Зато он доблестный воин, — выпалила я.

— Об этом я ничего не слышала, — ответила она. — Но я не желаю, чтобы он приезжал сюда, искал бы с тобой встреч, когда твоих братьев нет дома. Это свидетельствует о полном отсутствии у него чувства такта.

На этих словах мы расстались, и я услышала, как она вошла к себе в спальню и захлопнула дверь. Несколько мгновений спустя, взяв в руки туфли, я на цыпочках спустилась по лестнице и пулей помчалась в сад. Не прошло и минуты, как я оказалась в своем потайном местечке на яблоне. Услышав шорох, я раздвинула цветущие ветки своего убежища и увидела Ричарда Гренвила: ссутулясь, он стоял под деревом. Я отломила прутик и бросила в него. Он встряхнул головой, огляделся. Я бросила вторую веточку, на сей раз угодив ему прямо в нос. Он чертыхнулся, поднял голову и увидел меня, смеющуюся над ним со своего насеста. Мгновение спустя он был уже подле меня и, обняв меня за талию, прижал к дереву. Ветка зловеще треснула.

— Слезьте сейчас же. Двоих ветка не выдержит, — предупредила я.

— Выдержит, если вы будете сидеть спокойно, — заверил он меня.

Одно неосторожное движение — и мы оба оказались бы на земле, десятью футами ниже, но сидеть не шевелясь означало, что я должна и дальше находиться в его объятиях, чувствуя его лицо совсем рядом с моим.

— В таком положении невозможно разговаривать, — запротестовала я.

— Отчего же? Я нахожу это довольно приятным.

Он осторожно вытянул ногу вдоль ветки, чтобы устроиться поудобнее, и еще крепче обнял меня.

— Итак, что вы хотите мне сказать? — промолвил он, словно это я попросила его о встрече.

И я поведала ему о своих бедах, о том, как мой брат и невестка выслали меня из Плимута, а сейчас в моем собственном доме со мной обращаются как с заключенной.

— И вам не стоит больше сюда приезжать, — заявила я ему. — Моя мать никогда не позволит мне видеться с вами. К тому же о вас ходит дурная слава.

— Как так? — удивился он.

— Вы не вылезаете из долгов, так она сказала.

— У Гренвиллов всегда были долги. Это наш большой недостаток. Даже Бевил вынужден занимать у евреев.

— Вы — тяжелое испытание для него и для всей своей родни.

— Напротив, это они тяжелое испытание для меня. Редко мне удастся выпросить у них хотя бы пенни. Что еще поведала вам ваша матушка?

— Что, добиваясь встречи со мной в отсутствие

моих братьев, вы проявляете редкое отсутствие чувства такта.

— Она ошибается. Это проявление коварства, результат большого жизненного опыта.

— Что же касается вашей доблести на поле боя, ей об этом ничего не известно.

— Это меня не удивляет. Как и всех матерей, сейчас ее больше занимает моя доблесть в других сферах деятельности.

— Я вас не понимаю.

— Значит, вы не так проникательны, как я думал.

— Он выпустил из руки ветку и смахнул что-то с воротничка моего платья. — У вас на груди ухвертка, — объяснил он.

Я отпрянула, обескураженная резким переходом от романтики к самой прозаичной реальности.

— Думаю, мать права, — произнесла я сдавленным голосом. — Дальнейшее знакомство нам ничего не даст. И будет лучше, если мы положим этому конец прямо сейчас.

Мне трудно было держаться с достоинством в таком неудобном положении, и я сделала попытку выпрямиться.

— Вы не спуститесь, пока я этого не захочу. — И действительно, вытянув через ветку ноги, Ричард перекрыл мне путь. — Самое время дать вам урок испанского языка, — прошептал он.

— Не имею ни малейшего желания, — ответила я.

Он рассмеялся и, обхватив мое лицо руками, порывисто поцеловал меня — это было уже нечто

новое, до странности приятное, — и я на мгновение лишилась дара речи и способности действовать. Я отвернулась и принялась играть с цветущими ветками.

— Теперь можете уходить, если желаете, — сказал он.

Уходить мне вовсе не хотелось, но я была слишком горда, чтобы в этом признаться. Он спрыгнул на землю, а затем помог спуститься и мне.

— Нелегко быть храбрым на яблоне. Можете передать это вашей матери.

На его лице вновь, как в Плимуте, появилась язвительная ухмылка.

— Я ничего не буду говорить матери, — ответила я, оскорбленная такой внезапной отставкой.

Секунду он молча смотрел на меня, потом сказал:

— Если вы велите своему садовнику срезать эту ветку, в следующий раз у нас получится лучше.

— Не знаю, хочу ли я следующего раза.

— О, конечно хотите, и я тоже. К тому же моей лошади необходимы прогулки, ей нельзя застаиваться.

Он направился к ограде, где оставил коня. Я молча пошла вслед за ним среди высоких трав. Он ухватился за узду и прыгнул в седло.

— От Ланреста до Киллигарта десять миль, — произнес он. — Если я буду проезжать их дважды в неделю, Дэниел к лету наберет отличную форму. Во вторник я приеду снова. Не забудьте дать инструкции садовнику.

Он взмахнул перчаткой и пришпорил коня.

Я проводила его взглядом, думая про себя, что он

почти такой же отвратительный, как и Гартред, и что я никогда больше его не увижу; однако вопреки всем моим решениям во вторник я была под яблоней.

Ну а потом начались насколько необычные, настолько и приятные ухаживания, о каких девушка моего поколения могла только мечтать. Сейчас, четверть века спустя, все это мне кажется каким-то нереальным, плохо запомнившимся сном. Один, иногда два раза в неделю он приезжал на лошади из Киллигарта в Ланрест, мы забирались на яблоню — мешавшая нам ветка была срезана, — и он давал мне уроки любви, а я слушалась его во всем. Ему было двадцать восемь, мне — восемнадцать. Казалось, что эти мартовские и апрельские вечера с жужжанием пчел над нашими головами и пением черных дроздов не имели ни начала, ни конца. О чем мы говорили между поцелуями? Не помню. Наверное, он много рассказывал о себе, ибо мысли Ричарда прежде всего были сконцентрированы на себе самом, и в памяти у меня запечатлелся образ молодого человека с огненно-рыжей шевелюрой и бунтарским нравом, созерцающего штормовые волны Атлантического океана с высоты каменистых скал северного побережья Корнуолла — такого не похожего на наше побережье с его уютными бухточками и плодородными долинами.

В этом уголке юго-восточного Корнуолла мы, я думаю, находимся в привилегированном положении: воздух всегда мягок независимо от того, идет дождь или светит солнце, а ровные очертания местности

располагают к лени и удовольствию. Тогда как в краю Гренвиллов, лишенном не только деревьев, но и кустарников и со всех сторон продуваемом ветрами, несущими с собой морские брызги, обостряется восприимчивость ума, человек становится темпераментнее и злее, да и сама жизнь там более опасна и жестока. Если здесь почти не бывает трагедий на море, то там все побережье усеяно побелевшими от соли останками погибших кораблей, а вокруг обезображенных, незахороненных тел утопленников ползают морские свинки и летают стервятники. Клочок суши, где мы родились, выросли, влияет на нас сильнее, чем мы думаем, и я понимаю, откуда взялись эти беспокойные бесы, что будоражили кровь Ричарда Гренвила.

Мысли эти пришли мне в голову гораздо позже, а тогда, когда мы были молоды, ни я, ни он об этом не задумывались, и о чем бы мне ни рассказывал Ричард — будь то о своей службе или о Стоу, о сражениях во Франции или о своей собственной семье, — слова его звучали приятной для моего слуха музыкой; самые злые его шутки забывались, когда он целовал меня и прижимал к себе. Странно, что наш тайничок так никто и не обнаружил. Быть может, со свойственной ему беззаботной щедростью он осыпал золотыми монетами наших слуг. Моя мать, во всяком случае, пребывала в полнейшем неведении.

А потом, в один из первых дней апреля, из Радфорда приехали мои братья, привезя с собой юного Эдварда Чампернауна, младшего брата Элизабет. Я

обрадовалась, увидев Джо и Робина, однако вовсе не была расположена любезничать с незнакомцем — к тому же зубы у него изо рта выпирали, что я считала непростительным, — а также меня постоянно преследовал страх, что о моих тайных свиданиях могут узнать. После ужина Джо, Робин и мать удалились вместе с юным Чампернауном в библиотеку, оставив меня наедине с Элизабет. Она ни разу не намекнула мне на мои плимутские выходки, за что я была ей весьма признательна, но принялась расхваливать передо мной своего брата Эдварда, который, как она утверждала, был всего лишь на год старше меня и совсем недавно окончил Оксфорд. Я слушала рассеянно, ибо мысли мои были заняты Ричардом: не вылезавший, как всегда, из долгов, он сказал во время нашей последней встречи, что собирается продать земельные участки в Киллигарте и Тайуордрете, доставшиеся ему в наследство от матери, и взять меня с собой в Испанию или в Неаполь, где мы будем жить по-королевски и заниматься разбоем.

Позднее вечером меня позвали в комнату моей матери. Вместе с ней были Джо и Робин, а Эдвард Чампернаун ушел к своей сестре.

Мать привлекла меня к себе, нежно поцеловала и тут же сообщила, что меня ждет большое счастье: Эдвард Чампернаун попросил моей руки, она и братья согласились, все формальности оговорены, так же как и размер моего приданого, увеличенного благодаря щедрости Джо, — осталось лишь назначить день. Кажется, я смотрела на них какое-то время, затем

разразилась бурным потоком протестов, заявив, что сама выберу мужчину, за которого пожелаю выйти замуж, что я скорее прыгну с крыши, чем стану женой Эдварда. Напрасно спорила со мной мать, напрасно Джо перечислял добродетели юного Чампернауна — его уравновешенность, его добропорядочность. А если учесть мое недостойное поведение несколько месяцев тому назад, то вообще удивительно, что он попросил моей руки.

— Ты уже в таком возрасте, Онор, — заявил Джо, — когда брак, по нашему мнению, это единственный способ наставить тебя на путь истинный. В чем в чем, а в этом мы с матерью разбираемся лучше других.

Я трясла головой, впивалась ногтями в ладони...

— Говорю вам, я за него не выйду, — повторяла я.

Робин, до сих пор не участвовавший в разговоре, вдруг встал со стула и подошел ко мне.

— Я тебя предупреждал, Джо, — произнес он. — Бесплезно принуждать Онор, если она не захочет. Дайте ей время свыкнуться с этой мыслью. Она подумает.

— Эдварду Чампернауна тоже не мешало бы еще подумать, — ответил Джо.

— Лучше принять решение сейчас, пока он здесь, — заметила мать.

Я посмотрела на их встревоженные, исполненные нерешительности лица — все они меня очень любили и были огорчены моим упрямством.

— Нет, — отрезала я. — Лучше умереть.

Я в гневе выбежала из комнаты, поднялась к себе,

заперла дверь. В моем переутомленном воображении мать с братом казались мне злыми родителями из волшебной сказки. Я же была несчастной принцессой, которую принуждают выйти замуж за людоеда, хотя безобидный Эдвард Чампернаун, я больше чем уверена, не тронул бы меня и пальцем. Подождав, когда все улягутся, я сменила платье, накинула на плечи плащ и выскользнула из дома. То, что я решила сделать, было безумием: я намеревалась идти пешком ночью в Киллигарт, к Ричарду. Гроза кончилась, ночь была светлая, и я, чувствуя, как бешено колотится у меня в груди сердце, двинулась по дороге к реке и примерно в миле вниз от Ланреста перешла ее вброд. Затем я свернула на запад, по направлению к Пелинту. Дорога была неровная, ее без конца пересекали лесные тропинки. «Какая же я дура, — твердила я про себя, — что не умею ориентироваться по звездам». Я шла с трудом, туфли натирали мне ноги. Казалось, что этой ночи и этой дороге не будет конца, и, как бы я ни храбрилась, ночные звуки и шорохи переполняли меня страхом. Рассвет застиг меня на берегу реки посреди леса изнуренной и заляпанной грязью. Я поднялась на очередной бугор и увидела наконец море и черный хребет острова Лу, вдали, на востоке. И тогда я поняла, что это какой-то внутренний голос привел меня на побережье.

Кольцо дыма за деревьями и лай собак свидетельствовали о том, что я вторглась в частные владения, а мне совсем не хотелось попадать в лапы к сторожам.

Часов около шести я встретила на большой дороге крестьянина, он в изумлении посмотрел на меня, приняв, очевидно, за ведьму — я видела, как он перекрестился и сплюнул через левое плечо, хотя и показал мне тропу, ведущую в Киллигарт. Солнце уже зависло высоко над морем, и рыбацкие лодки растянулись вереницей в Толландском заливе. Я увидела высокие трубы Киллигарта и в который уже раз представила, в каком жалком виде появлюсь перед Ричардом. Если он один, это не суть важно, но если там Бевил и Грейс, его жена, и все племя Гренвиллов, с которыми я даже не знакома? Я подкралась к дому будто воровка, в нерешительности остановилась перед окнами. Было прохладно. Слуги уже встали. Из кухни доносились звон посуды, приглушенный говор, и я чувствовала маслянистый запах бекона и копченой ветчины. Окна были распахнуты навстречу солнцу, раздавался смех, слышались мужские голоса.

Больше всего я хотела тогда оказаться в своей спальне в Ланресте, но отступить было поздно. Я дернула колокольчик и услышала, как его эхо прокатилось по всему дому. Затем я отступила: в дверях появился лакей в ливрее Гренвиллов, вид у него был надменный и строгий.

— Что вам угодно? — спросил он.

— Я бы хотела повидать сэра Ричарда.

— Сэр Ричард завтракает с друзьями. Уходите, он вас не примет.

Дверь столовой была открыта, я услышала смех, разговоры, и громче других звучал голос Ричарда.

— Мне просто необходимо увидеть сэра Ричарда, — настаивала я, доведенная до отчаяния, готовая расплакаться, и лакей уже занес руку, чтобы прогнать меня восвояси, как вдруг в холле появился Ричард. Он смеялся, говоря что-то через плечо оставшимся в комнате господам. Он продолжал есть, держа в руке салфетку.

— Ричард, — позвала я. — Ричард, это я, Онор.

Он подошел ближе с неподдельным изумлением на лице.

— Какого дьявола... — начал он, но затем, грубо спровадив слугу, увлек меня в крохотную прихожую рядом с холлом.

— В чем дело? Что случилось? — быстро проговорил он, и я, совершенно обессиленная, рухнула в его объятия и разрыдалась у него на плече.

— Тише, любовь моя, все хорошо, — пробормотал он, глядя мои волосы, пока я наконец не успокоилась.

— Меня хотят выдать замуж за Эдварда Чампернауна, — промямлила я. — Я сказала им, что никогда не соглашусь, и всю ночь шла по лесным дорогам, чтобы сказать об этом тебе.

Я почувствовала, что его трясет от смеха, как в первый вечер, много недель тому назад, когда меня стошнило от лебеда.

— Это все? — спросил он. — И ты прошла более двенадцати миль пешком, чтобы сказать мне это? О! Онор, малышка, дорогая моя!

Я посмотрела на него, пораженная, что такое серьезное дело он обращает в шутку.

— Что же мне делать? — спросила я.

— Послать их ко всем чертям, конечно, а если ты не осмелишься, я сделаю это вместо тебя. Пойдем завтракать.

В ужасе я вцепилась в его руку: если крестьянин принял меня за ведьму, а лакей — за нищенку, одному Богу известно, что подумают обо мне его друзья. Он не стал ничего слушать и потащил меня в столовую, где завтракали мужчины, и в своем испачканном платье и порванных туфлях я предстала перед Раналдом Моуном, юным Трелони, Томом Треффри, Джонатаном Рашли и еще полдюжиной других, с кем я не была знакома.

— Это Оноп Харрис из Ланреста, — представил меня Ричард. — Возможно, господа, кое-кто из вас с ней уже знаком.

Все встали и поклонились, изумление и смущение отразились у них на лицах.

— Она сбежала из дома, — невозмутимо продолжал Ричард. — Ты не поверишь, Том, ее хотят выдать замуж за Эдварда Чампернауна.

— Правда? — Видно было, что Том Треффри несколько растерялся. Чтобы скрыть свое замешательство, он наклонился и стал гладить уши своего пса.

— Не желаешь ли отведать бекона, Оноп? — спросил Ричард, предлагая мне блюдо, нагруженное жирной свиной, но я слишком устала, чтобы желать чего-то другого, кроме хорошего отдыха.

Тогда Джонатан Рашли, самый старший из всех

присутствующих, спокойно заметил:

— Госпожа Онор предпочла бы удалиться, я полагаю. Не позвать ли кого-нибудь из твоих служанок, Ричард?

— Черт возьми, вы в доме холостяка, — ответил Ричард с набитым ртом. — Здесь нет ни одной женщины.

Раналд Моун прыснул, прикрыв лицо носовым платком, и я заметила, какой гневный взгляд бросил на него Ричард. Затем под разными предлогами все, извинившись, ушли из комнаты, и мы наконец остались одни.

— Зря я пришла, — пролепетала я. — Осрамила тебя перед друзьями.

— Я осрамлен уже давно, — сказал он, наливая себе очередную кружку эля. — Но хорошо, что ты появилась после завтрака, а не до него.

— Почему же?

Он улыбнулся, вынул из кармана листок бумаги.

— Я продал Киллигарт и свои земли в Тайуордрете. Рашли хорошо мне за них заплатил. Если бы ты появилась раньше, он, возможно, отказался бы поставить свою подпись.

— Хватит ли этих денег, чтобы рассчитаться с долгами? — спросила я.

Он иронически рассмеялся.

— Капля в море, но на одну-две недели этого хватит, пока мы не одолжим где-нибудь еще.

— Почему «мы»? — удивилась я.

— Ну, мы будем вместе. Неужели ты думаешь, что

я позволю свершиться этому нелепому браку с Эдвардом Чампернауном?

Он вытер губы, с беззаботным видом отодвинул тарелку. Потом протянул ко мне руки, и я прильнула к его груди.

— Любимый, — произнесла я, ощутив себя вдруг очень взрослой и очень мудрой. — Ты не раз говорил мне, что сможешь жить, лишь женившись на богатой наследнице.

— Во всяком случае, я не смогу жить, если ты выйдешь за кого-нибудь другого, а не за меня, — ответил он.

— Но, Ричард, — продолжала я, — если я выхожу за тебя, а не за Эдварда Чампернауна, мой брат может не дать согласия на брак.

— Пусть только посмеет, я вызову его на дуэль.

— У нас не будет ни гроша.

— Не совсем так, — сказал он. — Я оципал еще не всех родственников. У миссис Аббот, моей старой тетушки Кэтрин из Гартленда, есть тысяча фунтов, с которыми она не знает, что делать.

— Но мы не сможем жить так все время, — заметила я.

— Я никогда не жил по-другому.

Я подумала о куче формальностей, связанных с браком, об адвокатах, документах.

— Я младшая дочь, Ричард, — проговорила я неуверенно. — Нужно иметь в виду, что мое приданое будет весьма скудным.

Он разразился смехом и, подхватив меня на руки,

понес из комнаты.

— Если у меня и есть коварные замыслы получить что-нибудь от твоей семьи, то только насчет тебя. К черту твое приданое.

Глава 5

О, необдуманная помолвка, потрясающая и поспешная, решение, принятое в один миг ни с того ни с сего. Мать не смогла устоять перед натиском, братья даже и не пытались создавать препятствия. Чампернауны, оскорбленные, удалились в Радфорд, и Джо, сняв с себя ответственность, последовал за ними. Его жена не захочет меня больше видеть, после того как я отвергла ее брата, и мне дали понять, что о скандальном моем поведении стало известно всему Девону. Муж Бриджет примчался на почтовых из Голбертона, Джон Поллексефен — из Матеркомба, и весь запад, казалось, только о том и говорил, что я тайно сбежала к Ричарду Гренвилу и сейчас выхожу за него замуж по жестокой необходимости. Он обесчестил меня в одной из спален Плимута, насильно увез в Киллигарт, я три месяца жила с ним как любовница — эти и другие слухи распускали о нас повсюду, мы же с Ричардом, в ликовании наших сердец, надо всем этим только посмеивались. Он хотел увезти меня в Лондон, под крылышко к герцогу Бекингеми, который, как он заявил, пляшет под его дудку и выделит мне вдобавок приданое, но в самый разгар этого безумия в Ланрест прискакал на лошади его брат Бевил и с присущим ему изяществом и учтивостью настоял на том, чтобы я поехала в Стоу и венчалась от дома Гренвилов. Бевил внес порядок в невообразимую путаницу, своим одобрением он набросил покрывало приличия на все происходящее — именно этого нам до сих пор недоставало;

несколькими днями позже мы с матерью благополучно обосновались в Стоу, куда Кит уехал около восьми лет назад, когда женился на Гартред. Я была тогда слишком влюблена, чтобы обращать на кого-нибудь внимание, и с раскрасневшимися от удовольствия щеками с уверенным видом расхаживала по огромным комнатам Стоу, улыбаясь старому сэру Бернарду, кланяясь всем его родственникам, благоговей перед окружавшей меня роскошью не больше, чем перед привычными пыльными закоулками Ланреста. Из всего, что я там делала или видела, я хорошо помню, как, прогуливаясь по садовым аллеям, рассеянно слушала сэра Бернарда, напыщенно рассуждавшего о сложных взаимоотношениях между его величеством и парламентом, а также как целыми часами простаивала в одной из комнат — спальне леди Грейс, жены Бевила, — в то время как служанки затягивали на мне мое подвенечное платье, собирали его у талии, подкалывали, опять затягивали. Леди Грейс и моя мать помогали советами, а на полу играли детишки, как тогда мне казалось — целая куча сорванцов.

С Ричардом я виделась не часто. В эти последние дни я, как он сказал, принадлежала женщинам. Последние дни... Поистине пророческие слова!

Ничто так не запечатлелось у меня в памяти, как тот последний майский день, когда солнце то пряталось, то выходило из-за облаков и дул сильный ветер. Я как сейчас вижу собравшихся на лужайке гостей: мы отправлялись на соколиную охоту, после

чего, вечером, должен был состояться банкет.

На жердочках ястребы чистили клювами перья, расправляли крылья, а самые ручные из них позволяли нам подходить к ним совсем близко. В отдалении одиноко сидели на насестах их собратья покрупнее — соколы с дико блестящими глазами.

Подошли сокольничие, и, пока они надевали на соколов путы и покрывали клобучками, готовя их к охоте, конюхи привели лошадей. Собаки скулили и прыгали в радостном предвкушении охоты. Ричард посадил меня на гнедую кобылку, которая отныне должна была стать моей, и, когда он повернулся к своему сокольничему, я увидела у ворот группу всадников, приветствовавших вновь прибывшего.

— Что там еще? — спросил Ричард, и сокольничий, закрыв ладонью глаза от солнца, повернулся к хозяину и, улыбаясь, сказал:

— Это госпожа Денис из Орли-Корта. У вашей красной соколихи будет возможность помериться силами с ее самцом.

Ричард взглянул на меня и улыбнулся:

— Все-таки это случилось, Гартред удостоила нас визитом.

Пока они ехали по дороге к нам, я задавалась вопросом, какие чувства испытаю к врагу своей юности, к той, с кем меня вновь таким странным образом свела судьба. Она ничего не писала, не прислала поздравления, однако ее природное любопытство в конечном счете взяло верх.

— Привет, сестрица, — крикнул Ричард своим

обычным язвительным голосом. — Значит, ты все-таки приехала поплясать на моей свадьбе?

— Может быть, — ответила она. — Я еще не решила. Мои дети не совсем здоровы.

Она направила свою лошадь на меня, и ее губы медленно расплылись в улыбке, которая была мне так хорошо знакома.

— Как поживаешь, Онор?

— Неплохо, — ответила я.

— Никогда бы не подумала, что ты станешь госпожой Гренвил.

— Я тоже.

— Поистине пути Господни неисповедимы. Однако ты не знакома с моим мужем.

Я кивнула ехавшему рядом с ней незнакомцу — тучному, крепкому на вид мужчине значительно старше ее. Это и был тот самый Энтони Денис, от которого столько натерпелся бедняга Кит, пока не умер. Наверняка он покорила ее своим весом.

— Куда мы едем? — спросила она, повернувшись к Ричарду.

— В открытое поле, к взморью.

Гартред посмотрела на птицу, сидевшую у него на рукавице.

— Красная соколиха, — сказала она, подняв брови.

— У твоей птички еще не все перья выросли. Думаешь, она на что-нибудь сгодится?

— Она уже ловила коршунов и дроф, а сегодня я намереваюсь пустить ее на цаплю, если мы ее вспугнем.

— Красную соколиху на цаплю? — Гартред ехидно ухмыльнулась. — С нее достаточно будет и сороки.

— Может, хочешь сравнить ее со своим самцом?

— Мой самец убьет ее, а потом и цаплю.

— Это еще как сказать.

Они сверлили друг друга глазами, точно дуэлянты, изготовившиеся к бою, и я вспомнила, как Ричард рассказывал мне, что они цапались с самой колыбели. Именно тогда у меня впервые появилось предчувствие, что день закончится какой-нибудь катастрофой. На миг я даже подумала, не остаться ли мне дома, сославшись на усталость. Я ездила верхом ради удовольствия, а не ради кровопускания, и соколиная охота никогда не была моим любимым развлечением.

Очевидно, Гартред заметила мою нерешительность. Она рассмеялась:

— Твоя невеста трусит. Она боится, что не выдержит темпа скачки.

— Как? — разочарованно спросил Ричард. — Разве ты с нами не едешь?

— Отчего же, еду, — ответила я, не задумываясь. — Должна же я увидеть, как ты убьешь эту цаплю.

Мы поскакали в открытое поле. Ветер хлестал наши лица, гул океана доносился издалека вместе с плеском накатывавшихся на прибрежную гальку волн. Поначалу охота была не очень удачной, мы подняли только вальдшнепа, к тому же на него набросились большие ястребы, а они раздирают добычу когтями,

вместо того чтобы убить сразу, как это делают ширококрылые соколы-сапсаны... Соколиха Ричарда и самец Гартред по-прежнему сидели под клобучками, так как мы еще не прибыли к месту обитания цапель. Моя кобылка фыркала от нетерпения; маршрут был новый, и мы ехали слишком медленно. Возле небольшого лесочка мы спугнули трех сорок, стайка ястребов набросилась на них, но хитрые сороки перелетали из одной рощицы в другую, и понадобилось целых двадцать минут и немало усилий и криков сокольников, прежде чем была поймана одна сорока.

— Не богато, — с презрением заметила Гартред. — Неужели нельзя найти что-нибудь более достойное для соколов?

Ричард, прикрыв рукой глаза, смотрел на запад. Перед нами длинной полосой раскинулся участок, поросший вереском, неровный и труднопроходимый, в конце которого блестело болотце, куда в ненастную погоду прилетали в поисках корма утки и где во все времена года, как рассказывал мне Ричард, собирались морские птицы, кроншнепы, чайки, цапли.

В небе не было видно ни одной птицы, если не считать жаворонка, зависшего прямо у нас над головами, а до болота, где должны были обитать цапли, оставалось еще мили две.

— Ставлю свою лошадь против твоей и свою красную соколиху против твоего самца, — неожиданно сказал Ричард, снял клобучок с птицы, выпустил ее и пришпорил коня. В тот же миг Гартред бросилась за

ним вдогонку, ее серокрылый сокол стремительно набрал высоту, и они с Ричардом галопом поскакали через мхи и вереск к болоту, а обе птицы неотступно летели над ними. Моя кобыла, возбужденная цоканьем подков своих братьев, резко сорвалась с места, едва не оторвав мне руки, и включилась в безумную гонку за лошадьми, подстегиваемыми тьяканьем собак и криками слуг.

Моя последняя скачка. Солнце в глаза, ветер в лицо, несущаяся галопом лошадь подо мной, грохот ее копыт, запах утесника, шум моря. Нечто незабываемое, незабытое, нечто навеки запечатлевшееся в моей памяти и глубоко запавшее мне в сердце. Я видела Ричарда и Гартред, мчавшихся бок о бок, переругивавшихся в ходе скачки, а соколы — самец и самка — то падали камнем вниз, то зависали высоко в небе. Вдруг из болота впереди нас, взмахивая огромными серыми крыльями, волоча за собой свои длинные ноги, в воздух поднялась цапля. Я услышала, как крикнул Ричард; Гартред ему ответила, и, словно заметив добычу, соколы принялись описывать в небе круги, поднимаясь все выше и выше, пока не превратились в две черные точки на фоне солнца. Бдительная цапля тоже поднималась ввысь, но описывая круги поменьше, повернув по ветру свое причудливое неуклюжее тело, удивительно легкое и гибкое. В одно мгновение первый сокол — я не могла бы сказать, была ли это соколиха Ричарда или же самец Гартред, — метнулся к цапле, но немного не рассчитал и пролетел мимо. Тут же выпрямившись, он

вновь принялся описывать круги, набирая потерянную высоту. Второй сокол тоже спикировал вниз и таким же образом упустил добычу.

Я безуспешно пыталась остановить свою кобылу. Гартред и Ричард скакали на восток, вслед за цаплей. Мы все трое неслись галопом стремя в стремя к видневшейся впереди, среди вереска, гряде камней.

— Осторожно, овраг! — крикнул мне в ухо Ричард, вытянув перед собой руку с плетью, но он промчался мимо, словно ветер, и я даже не успела его окликнуть.

Цапля теперь была прямо у меня над головой, соколов я потеряла из виду, но услышала победный крик Гартред:

— Они падают, падают, мой самец схватил ее!

И на фоне солнца я увидела, что один из соколов вцепился в цаплю, и обе птицы, слившись в одну бесформенную массу и кувыряясь в воздухе, упали ярдах в двадцати передо мной.

Я попыталась свернуть в сторону, но кобыла не слушалась, и я крикнула обгонявшей меня Гартред:

— Где овраг?

Она не ответила. Мы летели к гряде камней, солнце слепило мне глаза, а умирающая цапля и забрызганный кровью сокол упали из потемневшего неба прямо в открывшуюся передо мной расселину. Я услышала, как закричал Ричард, тысячеголосый хор голосов раздался у меня в ушах, когда я упала.

Вот так я, Онор Харрис из Ланреста, и стала калекой, навсегда потеряв способность ходить: уже

двадцать пять лет я либо лежу, либо сижу в кресле, не сделав за это время ни одного шага, не чувствуя почвы у себя под ногами. Тому, кто считает, что калека не годится на роль героини романа, лучше сразу закрыть книгу и воздержаться от чтения. Ибо вы так и не увидите, как я выйду замуж за мужчину, которого люблю, как стану матерью его детей. Но зато вы будете знать, что эта любовь ни разу не дала сбой, что, несмотря на все превратности судьбы, она только крепла в нас обоих, становясь в последние годы еще более нежной и глубокой, чем если бы мы были супругами. Вы узнаете также, как при всем моем бессилии я смогла взять на себя главную роль в разыгравшейся вслед за этим драме; моя неподвижность только усиливала мои чувства и обостряла восприятие, в то время как сама судьба принуждала меня к роли судьи и свидетеля. Представление продолжается — то, что вы прочли, лишь пролог.

Глава 6

Я вовсе не собираюсь спустя столько лет заниматься исследованием физических и душевных страданий, всего, что я испытала в те первые месяцы кризиса, когда казалось, что моя жизнь закончилась. Вряд ли это было бы интересно читателю. Да и сама я не расположена вытаскивать из тайников своей души эти почти забытые горькие воспоминания. Достаточно сказать, что поначалу испугались за мой разум. Несколько недель я все пребывала в состоянии мрачной безысходности. Мало-помалу ко мне вернулась ясность ума, и я смогла постичь весь смысл моего физического состояния. Я справилась о Ричарде и узнала, что, не дождавшись от меня вестей, не получив у докторов никаких надежд на мое выздоровление, он внял советам своего брата Бевила вернуться в полк. Это было наилучшим выходом. Он не мог сидеть без дела. Убийство в Портсмуте его друга, герцога Бекингема⁴, переполнило чашу, и он, вместе с остатками экспедиции, отплыл во Францию и участвовал в том последнем робком штурме Ла-Рошели. Когда он вернулся, я снова была дома, в Ланресте, и уже достаточно окрепла, чтобы определиться со своим будущим. Я решила никогда больше не встречаться с Ричардом. Я написала ему письмо, которое он не принял в расчет, и срочно прискакал из Лондона, чтобы повидаться со мной. Я отказалась его принять. Он хотел взломать дверь моей спальни, но путь ему преградили мои братья. Лишь после того, как врачи заверили его, что своим присут-

ствием он только навредит моему здоровью, он понял, что все кончено, и, не сказав ни слова, удалился. Я получила от него последнее письмо, безумное, горькое, полное упреков, — и затем наступило молчание.

В ноябре того же года он женился на леди Говард из Фитцфорда, богатой вдове, уже три раза побывавшей замужем и на три года старше его. Я узнала об этом случайно, из слов, которые неосторожно обронила Мэтти. Я обратилась за разъяснениями к матери. Она хотела скрыть от меня правду, опасаясь рецидива болезни, и то, с каким спокойствием я приняла свершившийся факт, моему, сильно ее озадачило.

Ей было сложно, так же как и всем остальным, понять, что теперь я считала себя другим человеком. Онор, которую они знали, умерла, подобно цапле в тот майский день, когда ее сразил сокол.

Не исключено, что она вечно будет жить в сердце своего возлюбленного как прекрасная мечта, но тот Ричард, которого она знала и любила, состоял из плоти и крови, он должен был держаться стойко, так же как и я.

Я лежала в постели и улыбалась — я хорошо это помню — при мысли, что он в конечном счете нашел свою наследницу, и какую наследницу! Я очень надеялась, что ей — такой опытной — удастся сделать его счастливым и что ее богатства обеспечат ему хоть какое-то спокойствие.

Между тем я должна была привыкнуть к новому

образу жизни, к ежедневной неподвижности. Разум обязан компенсировать беспомощность тела. Из Оксфорда к тому времени вернулся Перси, привезя с собой учебники, и с его помощью я принялась изучать греческий и латынь. Учителем он был посредственным, хотя и довольно милым, и совесть не позволяла мне надолго лишать его общества собак и лошадей. Тем не менее он привил мне вкус к чтению, и я добилась неплохих результатов. Все в семье проявляли ко мне чуткость и заботу. Мои сестры и их дети, у которых поначалу слезы наворачивались на глаза от жалости, со временем стали чувствовать себя легко в моем присутствии, когда я смеялась и болтала с ними, и мало-помалу ребенок-баловень, каким я всегда была, стал советчиком и посредником в их делах: со всеми проблемами обращались ко мне. Я, разумеется, говорю о годах, а не о месяцах, ибо все это произошло не в один день. Мэтти, моя служаночка, с первой же минуты стала моей неутомимой рабыней. Она научилась распознавать в моих глазах знаки усталости и сама выпроваживала посетителей из комнаты. Она же занималась моим кормлением и моим туалетом, хотя я и научилась выходить из положения самостоятельно. Спустя три года моя спина уже достаточно окрепла, чтобы я могла сидеть и поворачиваться без посторонней помощи. Лишь ноги меня совершенно не слушались, а когда в осенние и зимние месяцы на стенах дома выступала сырость, я ощущала ее своими костями. Порой боли становились такими сильными, что мне

было крайне трудно придерживаться той линии поведения, какую я сама же себе и определила. Жалость к себе — этот самый коварный из ядов — проникала в мои вены, злые духи овладевали моим разумом, и тогда, как часовой на посту, у дверей вставала Мэтти и грудью преграждала путь непрощеным гостям. Бедняжка Мэтти, как часто я ее бранила, когда была не в духе, однако она мужественно сносила все мои капризы. Именно Робину, моему славному Робину, первому пришла в голову мысль смастерить мне кресло, и это кресло, позволившее мне перемещаться из комнаты в комнату, стало самым ценным его изобретением. Он потратил несколько месяцев на то, чтобы сделать чертеж, и, когда оно было собрано, когда, удобно усевшись, я смогла передвигаться без посторонней помощи, он обрадовался, мне кажется, еще больше, чем я.

Все это в корне изменило мою повседневную жизнь. Летом я могла даже выезжать в сад, путешествовать вокруг дома, частично вернув себе независимость. В тридцать втором году у нас в семье состоялась еще одна свадьба. Моя сестра Мэри, над которой мы давно подшучивали из-за ее набожности и рассудительности, приняла предложение Джонатана Рашли из Менебилли, который потерял свою первую жену при родах год назад и остался с малыми детьми на руках. Этот брак был превосходен во всех отношениях: Джонатану исполнилось к тому времени сорок лет, а Мэри — тридцать два. Свадьбу справляли в Ланресте, и на ней присутствовали дети Джонатана

— Элис, Элизабет и Джон. Впоследствии я познакомилась с ними ближе, однако уже тогда они, будучи робкими и застенчивыми детьми, сразу же завоевали мое расположение. На свадьбу приехал также Бевил Гренвил, близкий друг как Джонатана, так и наш. Лишь после церемонии и отъезда Мэри в свой новый дом на другом конце Фоя мне удалось побеседовать с ним с глазу на глаз. Мы немного поговорили о его детях, его жизни в Стоу, затем я, не без внутреннего содрогания, хотя внешне и спокойно, спросила о Ричарде.

Он ответил не сразу, и я увидела, как лоб его нахмурился.

— Я бы предпочел не говорить об этом, — выдавил он из себя наконец, — но раз уж ты спросила... После женитьбы, Онор, у него все сложилось очень неудачно.

Грудь моя наполнилась неким дьявольским злорадством, которое я хотела и не могла подавить.

— Как же так? — спросила я. — Разве у него нет сына?

Я знала, что у него родился сын около года назад, как раз шестнадцатого мая — о, ирония судьбы! — в годовщину моего падения в овраг. Новая жизнь пришла на смену той, которая оборвалась в тот день, подумала я тогда и, как тот избалованный ребенок, не обретший еще житейской мудрости, проплакала всю ночь в подушку, думая о мальчике, которому судьба-злодейка помешала стать моим. Нечто похожее случилось и в один из дней, когда Мэтти несла вахту у

двери: я представила жену Ричарда, лежащую в обнимку с ребенком, а рядом с ней — улыбающегося Ричарда. Картина, от которой мне стало довольно мерзко на душе, несмотря на мое наигранное равнодушие. Однако вернемся к Бевилу.

— Да, верно, — ответил он, — у него есть сын и еще дочь, но я не знаю, видится ли с ними Ричард. Дело в том, что он ругался с женой, грубо обращался с ней — как он уверяет, даже замахивался на нее, — и поэтому она требует развода. Кроме того, он оклеветал графа Суффолка, родственника своей жены, и тот предъявил ему иск в Звездной палате⁵ и выиграл дело. Ричард отказывается уплатить штраф — да он и не мог бы, потому что сидит на мели, — и в любой момент его могут заключить в тюрьму Флит за неуплату долгов.

«Боже, — подумала я, — какой разительный контраст с той жизнью, о которой мы с ним вместе мечтали. А может, я ошибаюсь и со мной случилось бы то же самое?»

— Он всегда был жесток, даже в детстве, — продолжал Бевил. — Ты его совсем не знаешь, Онор. Увы! За три месяца ухаживаний нельзя составить мнение о мужчине.

На это я ничего не могла возразить, ибо здравый смысл был на его стороне. Но думала я о тех, навсегда канувших в небытие, весенних днях, о цветущей яблоне в саду. Вряд ли у какой-нибудь девушки был более нежный, более чуткий возлюбленный.

— Ричард жестокий? — удивилась я. —

Безответственный и импульсивный, возможно, но не более. Наверняка жена его провоцировала.

— Этого я не знаю, — признался Бевил, — но охотно бы в это поверил. Она довольно коварная и безнравственная женщина. Близкая подруга Гартред — возможно, ты этого и не знала, — и вот, когда она была в Орли-Корте, тогда все и решилось. Ричард — тебе это известно лучше, чем кому-либо, — находился тогда отнюдь не в лучшей своей форме.

Я ничего не сказала, почувствовав в мягком тоне Бевила легкий, быть может, подсознательный упрек.

— Дело в том, — продолжал Бевил, — что Ричард женился на Мэри Говард из-за денег, а женившись, обнаружил, что не имеет доступа ни к богатству, ни к имуществу жены, что все находится в руках доверенных лиц, действующих исключительно в ее интересах.

— Значит, его дела обстоят ничуть не лучше, чем прежде?

— Гораздо хуже. Звездная палата не освободит его от уплаты штрафа за клевету, я же так занят своими исками, что просто не в состоянии ему помочь.

Он обрисовал довольно грустную картину, и, хотя моему ревностному воображению она показалась не такой тягостной, как идиллическая сцена семейного счастья, стоявшая у меня перед глазами, я не испытала никакого удовольствия от того, что узнала о неприятностях Ричарда. Мне тяжело было осознавать, что он грубо обращался с женой из-за того, что не мог располагать ее богатством, но я достаточно хорошо

его знала, чтобы сомневаться в этом. Он женился на ней не по любви, с горьким чувством безысходности в сердце, и, разгадав его намерения, она поспешила его разочаровать. Без прочного фундамента, доверия друг к другу нельзя создать крепкий союз! Тем не менее я не отступила от своего решения и ничем не показала, что понимаю его или сочувствую ему. Сдерживала меня не гордыня или жалость к себе, а твердая уверенность в том, что такая линия поведения самая мудрая. Он должен жить своей жизнью, в которой для меня отныне места нет.

Как нам впоследствии стало известно, он провел несколько месяцев в тюрьме, а осенью следующего года уехал из Англии на материк, поступив там на службу к королю Швеции.

Как часто я думала о нем, тосковала в течение тех долгих лет, для данной истории значения не имеет. Я особенно раскисала во время долгих ночных бдений, когда меня мучило мое тело. Днем я приучала свои чувства к послушанию, и благодаря успехам в учебе — я добилась хороших результатов в греческом, — а также моей заинтересованности жизнью братьев и сестер дни и месяцы проходили в атмосфере относительного душевного равновесия.

Время залечивает любые раны, скажете вы, но, на мой взгляд, их залечивает не столько время, сколько решимость духа.

А дух может в темноте превратиться в дьявола.

Пять, десять, пятнадцать лет; большой кусок жизни женщины, а в данном случае — и жизни

мужчины тоже. Мы все время меняемся, из любопытных, наивных и во всем сомневающихся юных созданий превращаемся в самоуверенных, властных людей с уже устоявшимися привычками и сформированным характером.

До несчастного случая я была строптивой, взбалмошной девчонкой, но в сорок втором году, когда разразилась война⁶, так перевернувшая наши жизни, я была тридцатидвухлетней женщиной, «славной тетушкой Онор» для многочисленных моих племянников и племянниц и довольно важной фигурой в семье.

Человек, навсегда прикованный к креслу или к кровати, может легко стать тираном, и, хотя я никогда не стремилась к власти, после смерти матери я стала той, кто принимает решения, к чьему авторитету прибегают при каждом удобном случае. Странная вещь, но я была как бы окружена легендой, словно моя физическая беспомощность наделила меня большой мудростью.

С иронией относясь к культу, образовавшемуся вокруг моей персоны, я в то же время всячески заботилась о том, чтобы не разрушить эту иллюзию.

Молодежь, я думаю, меня любила, зная мою бунтарскую натуру, а также потому, что я всегда становилась на ее сторону. Циничная на первый взгляд, я, по сути, была неизлечимым романтиком, и, если нужно было передать записку, устроить встречу или сказать что-либо по секрету, моя комната в Ланресте становилась поочередно то местом деловых

встреч, то местом любовных свиданий, то исповедальней. Пасынок и падчерицы Мэри постоянно крутились возле меня, и я оказывалась замешанной в многочисленные ссоры, умело покрывая их проказы и не раз выступая посредником в их сердечных делах. Джонатан, мой зять, был добр, справедлив, но строг, убежденный сторонник «серьезного» брака и противник поспешных, импульсивных решений. Он, несомненно, был прав, но этот торг между родственниками, эти корыстные споры о деньгах невольно вызывали у меня отвращение, и, когда Элис, его старшая дочь, стала сохнуть и бледнеть, томясь любовью к худому, как щепка, Питеру Кортни — родители уже несколько месяцев спорили, стоит им жениться или нет, — я пригласила их в Ланрест, велел им устроить свое счастье, пока еще не поздно, и никто ничего не узнал.

Так что поженились они в должное время, и хотя все кончилось разводом (причиной тому явилась война), по крайней мере они прожили несколько счастливых лет, и ответственность за это я с легким сердцем беру на себя.

Другой моей жертвой стала Джоан, моя крестница. Она, это важно запомнить, была дочерью моей сестры Сесилии и моложе меня лет на десять. Когда Джон Рашли, пасынок Мэри, приехал из Оксфорда погостить у нас, он застал Джоан у моего изголовья, и я тотчас смекнула, откуда ветер дует. Меня так и подмывало послать их к яблоне, однако какой-то внутренний сентиментальный голос удержал меня от

этого шага, и я предложила им рощицу с колокольчиками. Неделю спустя они обручились и успели сыграть свадьбу до того, как завяли колокольчики, и даже сам Джонатан Рашли не нашел, к чему придраться в брачном договоре.

Но вот нежданно-негаданно грянула война, и перед Джонатаном и перед всеми мужчинами графства, включая моих братьев, встали другие, более важные проблемы. Страна бурлила уже давно, и в Корнуолле сталкивались между собой самые разные мнения: одни (хотя и возмущались высокими налогами) считали, что его величество вправе издавать любые законы, другие же поддерживали парламент, противившийся всему, что граничит с деспотизмом. Не раз я слышала, как мои братья спорили с Джеком Трелони, Раналдом Моуном, Диком Буллером и другими нашими соседями, причем мои братья рьяно защищали короля. Джо занимал уже довольно важный пост, ему было поручено руководить обороной побережья. Шли месяцы, умы ожесточались, дружба становилась более холодной, люди перестали доверять друг другу. Открыто поговаривали о гражданской войне, и каждый мужчина в графстве начал готовить оружие, слуг и лошадей, чтобы в нужный момент внести свой вклад в дело, которое он считал справедливым. Женщины тоже не сидели сложа руки; многие, как Сесилия в Матеркомбе, разрывали старое постельное белье на бинты и набивали кладовые продовольствием на случай осады. Спорили, по моему, еще ожесточеннее, чем потом, когда начались

боевые действия. Друзья, ужинавшие у нас за неделю до этого, стали вдруг подозрительными, вспоминались давно забытые скандалы, люди клеветали друг на друга из-за простого несовпадения взглядов.

Все это меня огорчало. Эти распри между соседями, которые веками жили друг с другом в мире и согласии, казались мне кознями дьявола. Мне неприятно было слышать, как Робин, мой нежно любимый братец, такой ласковый с собаками и лошадьми, чернил Дика Буллера за его поддержку парламента, уверял, что он берет взятки, превращает своих слуг в шпионов, хотя полгода назад они вместе с Диком участвовали в соколиной охоте. А Роб Беннет, еще один из наших соседей и друг Буллера, стал распространять слухи, порочащие моего зятя Джонатана Рашли, утверждая, что отец Джонатана и его старший брат, внезапно умершие с интервалом в несколько дней, когда свирепствовала эпидемия оспы, пострадали вовсе не от болезни, а были отравлены. Эти рассказы показывали, как за несколько месяцев соседи превратились в волков, готовых перегрызть друг другу глотки.

При первом же расколе между его величеством и парламентом, в сорок втором году, мои братья Джо и Робин, так же как и большинство наших ближайших друзей, в том числе Джонатан Рашли, его зять Питер Кортни, семья Трелони, семья Арунделл и, естественно, Бевил Гренвил, высказались в поддержку короля. Семейной жизни и всякому спокойствию сразу же пришел конец. Робин отправился в Йорк, в

армию его величества, захватив с собой Питера Кортни, и каждый тотчас же получил в свое командование по роте. Питер, в первом же сражении проявивший чудеса храбрости, получил рыцарское звание прямо на поле боя.

Мой брат Джо и мой зять Джонатан колесили по графству, собирая деньги, людей и боеприпасы для королевской армии. С деньгами дело обстояло неважно, ибо Корнуолл всегда был беден, а в последнее время нас почти совсем разорили; многие семьи, не имея достаточного количества наличных денег, отдавали серебряную посуду — верноподданнический, но совершенно бесполезный жест. Мне не хотелось следовать их примеру, но я вынуждена была это сделать, поскольку сбором занимался сам Джонатан Рашли. Мое отношение к войне было несколько циничным, ибо, не слишком веря в высокие цели и уединенно живя в Ланресте с Мэтти и прислугой, я чувствовала себя удивительно отстраненной от всего, что происходило вокруг. Успехи первого года отнюдь не вскружили мне голову, как это случилось с моей семьей, ибо я в отличие от них не считала, что парламент так легко сдаст свои позиции. Парламентарии привлекли на свою сторону сильных полководцев и располагали крупными суммами денег — их поддерживали все богатые коммерсанты Лондона, — и, кроме того, у меня сложилось мнение, которое я держала при себе, что их армия несравненно сильнее. Храбрости нашим военачальникам было не занимать, однако им

недоставало опыта. Воинское снаряжение было также довольно скудным. Дисциплина в войсках отсутствовала. К осени угроза войны стала наиболее явственной: обе армии выстроились на восточном и западном берегу реки Теймар. Я провела беспокойное Рождество и в третью неделю января узнала, что случилось худшее: враг переправился через Теймар и вошел в Корнуолл. Я обедала, когда Питер Кортни принес нам эту новость, проскакав во весь опор от Бодмина до Ланреста, чтобы сообщить мне, что армия противника движется по дороге на Лискард. Его полк, под командованием сэра Ралфа Гоптона⁷, должен остановить это продвижение, Гоптон проводит в эту минуту военный совет в Боконноке, в нескольких милях отсюда.

— Будем надеяться, — сказал мне Питер, — что сражение не заденет вас здесь, в Ланресте, а состоится где-то между Лискардом и Лостуитиелом. Если мы их разобьем и вытесним из Корнуолла, войну можно будет считать выигранной.

Он был крайне возбужден, держался гордо, темные локоны обрамляли его лицо.

— У меня нет времени ехать в Менебилли, — объяснил он мне. — Если я паду на поле брани, не будешь ли ты так любезна передать Элис, что я люблю ее?

Он молниеносно ускакал прочь, и мы с Мэтти остались вместе с двумя пожилыми лакеями и тремя служанками без оружия и без надежды на чью-либо поддержку. Не оставалось ничего другого, как собрать

всех коров и овец, запереть их в хлевах, а самим забаррикадироваться в доме. Затем мы все собрались вокруг камина в моей комнате наверху и стали ждать. Один или два раза, открыв окно, мы как будто слышали гроыхание пушек, монотонное и прерывистое, странно далекое в морозном январском воздухе. Около трех часов дня прибежал один из рабочих фермы, замолотил кулаками во входную дверь.

— Неприятель обращен в бегство! — возбужденно кричал он. — Разбегается как свора побитых собак вдоль Лискардской дороги. В Брэддок-Дауне сегодня было большое сражение.

Стали появляться отставшие от частей солдаты, прятавшиеся в кустах, они рассказывали, что роялисты одержали победу, сражались отчаянно и взяли около тысячи человек в плен.

Не веря этим слухам, я приказала прислуге ждать и держать двери на замке, пока все это не подтвердится, но еще до наступления темноты мы узнали, что победа одержана, поскольку сам Робин прискакал верхом на лошади обрадовать нас, и вместе с ним — братья Трелони и Раналд Моун. Робин был весь в пыли, а рука его была перевязана пропитанными кровью бинтами. Все смеялись, ликовали: обе дивизии парламента в полном смятении бежали в направлении Солташа, и их противные рожи, как сказал Джек Трелони, никогда больше не сунутся на эту сторону Теймара.

— А этот парень, — говорил он, похлопывая

Робина по плечу, — шел в бой с соколом на рукавице. Он выпустил его на мушкетеров Рутина, и, ей-богу, птица их так удивила, что многие стали палить куда попало и дали стрелача еще до того, как у них кончился порох.

— Я поспорил с Питером, — улыбнулся Робин. — В случае проигрыша я должен был отдать свои шпоры и стать крестным его очередного ребенка.

Они затряслись от смеха, забыв о пролитой крови и трупях, что они топтали ногами, затем сели, осушили два огромных кубка с элем, вытирая влажные от пота лбы и обсуждая ход боевых действий, словно спорщики после петушиного боя.

Бевил Гренвил стал героем дня в этом своем первом бою, и они объяснили нам, как он вел корнуольскую пехоту с холма на холм за собой в атаку — такую яростную, что противник не смог устоять.

— Видела бы ты, Онор, — рассказывал Робин, — как слуги и арендаторы распластались перед ним в торжественной молитве; он же в руке держал шпагу, а его честное, открытое лицо было поднято к небу. Они все были в серебристо-голубых мундирах, как на большом празднике. Они бежали за ним вниз по склону, крича: «Гренвил! Гренвил!» Его слуга Тони Пейн размахивал пурпурным знаменем с тремя золотыми полосками. Боже, как я был горд, что я корнуоллец.

— Это у него в крови, — сказал Джек Трелони. — Бевил всю жизнь был помещиком. Но вложи ему в

руки оружие, и он превратится в тигра. Таковы все Гренвилы в глубине души.

— Дорого бы я дал, — вступил в разговор Раналд - Моун, — чтобы Ричард Гренвил перестал убивать ирландских дикарей и вернулся к своему брату.

Наступило неловкое молчание, так как некоторые вспомнили о прошлом, а также о моем присутствии в комнате, затем встал Робин и заявил, что пора возвращаться в Лискард.

Вот так в сорок третьем году в юго-восточном Корнуолле война лишь слегка задела нас и ушла. Многие из тех, кто даже не понюхал пороху, разглагольствовали о том, что они слышали или видели, тогда как те, кто в ней участвовал, такие как Робин, хвастались, что летом парламентские мятежники сложат оружие окончательно.

Увы! Оптимизм этот был совершенно неуместен. В том году мы одержали целую серию побед на западе, дойдя до самого Бристоля, и корнуолльцы покрыли себя славой, но в ходе того первого лета мы потеряли цвет мужского населения Корнуолла.

Сидней Годолфин, Джек Треванион, Ник Слэннинг, Ник Кендал — одно за другим я вижу их лица, когда ворошу прошлое, и вспоминаю, как у меня замирало сердце, когда я брала в руки список погибших, который привозили из Лискарда. Все были людьми благородного поведения и высоких принципов — таких в графстве осталось не много, и их потеря весьма чувствительно отразилась на армии. Самой большой трагедией года, по крайней мере нам

так казалось, стала гибель в Лансдауне Бевила Гренвила. Мэтти вбежала ко мне в комнату вся в слезах со словами: — Они убили сэра Бевила!

Бевила, который, с его изяществом и учтивостью, добротой и обаянием, стоил всех военачальников Корнуолла, вместе взятых!

Я переживала так, словно он приходился мне братом, но была слишком ошеломлена, чтобы плакать.

— Говорят, — продолжала Мэтти, — что он был сражен ударом секиры как раз в тот момент, когда победа в бою была близка и противник обращен в бегство. И высокий Тони Пейн, его слуга, водрузил юного господина Джека на лошадь его отца. Мужчины ехали следом за парнем, обезумевшие от ярости и горя при виде их умершего хозяина.

Да, я хорошо представляла себе эту сцену. Бевил, убитый на месте, голова раскрыта каким-нибудь ублюдочным мятежником, а на белом боевом коне Бевила его четырнадцатилетний сын Джек, которого я так хорошо знала, со слезами на глазах размахивает слишком большой для него саблей. А мужчины в серебристо-голубых мундирах ехали вслед за ним, и ненависть к врагу переполняла их сердца. О Боже! Были в природе Гренвиллов некое благородство, скрытая неукротимость духа, из-за чего они, как корнуольцы и военачальники, намного превосходили всех нас. Так, торжествуя победу и оплакивая потери, мы, роялисты, явились свидетелями окончания этого и наступления 1644 года — рокового для Корнуолла, — в начале которого его величество стал хозяином

запада. Однако так и не сломленный окончательно парламент сосредоточивал повсюду мощные силы.

Весной этого года один офицер прибыл из Ирландии в Лондон и предложил свои услуги. Он намекнул господам из парламента, что может присоединить свои отряды к их войскам, и они, обрадованные перспективой пополнить в свои ряды такого славного воина, дали ему шестьсот фунтов и поделились с ним планами своего весеннего наступления. Он поблагодарил, улыбнулся — что было опасным знаком, если бы они знали его лучше, — и тотчас уехал в шестиместной карете в сопровождении группы солдат, один из которых скакал впереди с высоко поднятым флагом. Этим флагом была огромная карта Англии и Уэльса на малиновом фоне со словами «Обагренная кровью Англия», написанными поперек золотыми буквами. Когда экипаж прибыл в Багшот-Хит, его предводитель вылез из кареты и, собрав вокруг себя своих людей, невозмутимо предложил им следовать в Оксфорд и сражаться на стороне его величества, а не наоборот. Солдаты вполне охотно согласились, и обоз отправился в Оксфорд, увозя с собой кучу денег, оружия и серебряной посуды, завещанной парламентом, а также стенограмму заседания тайного совета, только что состоявшегося в Лондоне.

Имя человека, так дерзко одурачившего парламент, было Ричард Гренвил.

⁴ 23 августа 1628 г. герцог Бекингем был убит в Портсмуте ирландским офицером Фельтоном.

⁵ Высшее судебное учреждение в Англии в XV–XVII вв. (получила свое название от украшенного звездами потолка зала заседаний в королевском дворце в Вестминстере). При первых Стюартах контроль Звездной палаты распространялся на религиозную и политическую жизнь страны. Была упразднена в 1641 г.

⁶ Гражданская война (1642–1647) «кавалеров» (сторонников короля) против «круглоголовых» (сторонников парламента).

⁷ *Гоптон* Ралф, барон (1596–1652) — английский полководец, сражавшийся на стороне роялистов. Умер в изгнании.

Глава 7

В один из последних апрельских дней сорок четвертого года проведать меня из Радфорда приехал Робин, он настоятельно советовал мне оставить Ланрест и пожить хотя бы какое-то время с нашей сестрой Мэри Рашли в Менебилли. Робин командовал тогда пехотным полком, поскольку при сэре Джоне Дигби получил звание полковника и участвовал в длительной осаде Плимута — единственного города запада, который выступал еще в поддержку парламента.

— Джо и я считаем, — сказал мне Робин, — что ты не должна жить здесь в уединении, пока идет война. Не пристало женщине, да еще такой беспомощной, оставаться одной. На дорогах полно дезертиров, и они занимаются грабежом. Мысль, что ты здесь с несколькими стариками и Мэтти, будет постоянно не давать нам покоя.

— Здесь нечего грабить, — возразила я. — Посуда отправлена в Труро, а что касается меня... калека вряд ли доставит кому-нибудь удовольствие.

— Вопрос не в этом, — продолжал Робин. — Джо, Перси и я не сможем выполнять свой долг, зная, что ты здесь одна.

Он убеждал меня почти целый день, в конце концов я скрепя сердце согласилась.

Уже пятнадцать лет — после того как упала с лошади — я не покидала Ланреста, и то, что надо ехать жить в чужой дом, пусть даже к своей родной сестре, меня совсем не вдохновляло.

Менебилли уже наводнили родственники Рашли, приехавшие искать убежища у Джонатана, и у меня не было ни малейшего желания пополнять их ряды. Я не терпела незнакомцев и шумные компании, кроме того, теперь у меня появились свои привычки, я сама распоряжалась своим временем, у меня сложился свой распорядок дня.

— Ты можешь жить в Менебилли точно так, как в Ланресте, — уверял Робин, — с той лишь разницей, что там тебе будет лучше. Мэтти поедет с тобой, тебе выделят отдельную комнату и будут приносить еду, если ты не захочешь питаться вместе со всеми. Дом стоит на холме, свежий морской ветер, прогулки по прекраснейшим садам, — что может быть приятнее?

Я придерживалась другого мнения, однако, видя его волнение, не могла больше спорить. Неделю спустя багаж был собран, заперт, и меня повезли в паланкине в Менебилли.

Какое странное волнение испытываешь, вновь оказавшись на дороге! Пересекаешь Лостуитиел, видишь людей на рыночной площади — обычная повседневная жизнь общества, из которого я уже давно себя исключила, сделав Ланрест моим единственным миром. Я испытывала странную нервную дрожь и чувствовала себя не очень уютно, выглядывая из-за занавесок паланкина. Я как бы перенеслась вдруг в неведомую страну, язык и обычаи которой мне неизвестны. Настроение поднялось, когда мы пересекали длинный склон на выезде из города и старый редут в Каслдоре, а когда моему взору

открылась большая голубая бухта Тайуордрета, я подумала, что перемена обстановки в принципе не такая уж и трагедия. Мне навстречу, размахивая шляпой, скакал Джон Рашли, с широкой улыбкой на узком и бледном лице. Ему было только двадцать три года, но его беда заключалась в том, что слабое здоровье не позволяло ему пойти в армию, и он вынужден был оставаться дома в подчинении отца: с раннего детства он страдал приступами лихорадки, которая, случалось, трясла его несколько дней подряд. Это был очень милый, привлекательный юноша, обладавший обостренным чувством долга, хотя и испытывавший благоговейный страх перед своим отцом, а его жена — моя крестница Джоан, — с веселыми глазами и острым язычком, только оттеняла его достоинства. Рядом рысью ехал его друг и кузен Фрэнк Пенроуз — молодой человек, его ровесник, которого мой зять использовал в качестве секретаря и помощника управляющего имением.

— Все готово к твоему приезду, Омор, — улыбнулся Джон, скача рядом с моим паланкином. — Нас сейчас более двадцати человек в доме, и почти все собрались во дворе, чтобы тебя встретить. Сегодня вечером устраивают ужин в твою честь.

— Очень хорошо, — ответила я. — Можешь сказать этим парням, пусть возвращаются в Лостуитиел.

После чего он признался, что Джоан велела ему меня разыграть. Вся компания собралась не во дворе, а в восточном крыле дома, и никто не станет мне

докучать.

— Моя мачеха отвела тебе комнату над воротами, — сказал он. — Она говорит, что тебе нужно побольше воздуха и света. Окна в твоей спальне выходят и на запад — на внешний двор, и на внутренний двор, который опоясывает дом. Будешь разглядывать, как из театральной ложи, все, что происходит вокруг.

— Двадцать человек в доме, это чуть ли не целый гарнизон, — пошутила я.

— Около пятидесяти, если считать прислугу, — уточнил Джон, смеясь. — Но они спят валетом на чердаках.

Настроение у меня вновь упало, и, когда мы свернули с большой дороги в парк и я увидела в дальнем конце его огромный каменный особняк, окруженный стенами и пристройками, я прокляла себя за то, что приехала. Мы повернули налево, во внешний двор с пекарнями, кладовыми и сыроварнями, и, проехав под низкой аркой ворот, над которыми находилось мое будущее жилище, мы остановились во внутреннем дворе. Двор имел форму квадрата с высокой башней — или колокольней — в своей северной части и с входной дверью с южной стороны. На крыльце стояли Мэри, Элис Кортни, старшая из ее падчериц, и Джоан, моя крестница, в окружении детишек, дергавших их за юбки.

— Добро пожаловать в Менебилли, милая Онор, — приветствовала меня Мэри, явно нервничая.

— Здесь полно детей, Онор, — промолвила,

улыбаясь, Элис, которая, выйдя замуж за Питера, исправно один раз в год производила на свет по ребенку.

— Мы намереваемся привязать к колоколу дозорной башни веревку, — вставила Джоан. — Если шум покажется тебе слишком громким, ты сможешь позвонить и заставить домочадцев замолчать.

— Значит, за мной уже закрепилась репутация дракона, — сказала я. — Что же, тем лучше, потому что я собираюсь все делать по-своему: Робин должен был предупредить вас.

Меня внесли в темный, обшитый панелями холл и огромную, во всю длину дома, галерею, из которой доносился гул голосов, подняли наверх по широкой лестнице и понесли дальше по коридору в западное крыло. Моя комната, должна признаться, сразу привела меня в восторг. Быть может, потолок низковат, но зато было довольно просторно и очень светло. Два окна, как и говорил Джон. Одно, западное, выходило во внешний двор. Справа — комната для Мэтти. Все было создано для моего удобства.

— Никто не станет тебе надоедать, — говорила Мэри. — Покои с другой стороны гардеробной принадлежат Солам, кузенам Джонатана. Очень серьезные и скромные люди, они не будут тебя беспокоить. Комната слева всегда пустует.

Меня наконец оставили, и с помощью Мэтти я разделась и легла в постель, очень уставшая от путешествия и довольная, что осталась одна. Первые несколько дней я знакомилась со своим новым

окружением и устраивалась, как собака, сменившая одну конуру на другую.

Моя спальня была очень приятной, и я не имела ни малейшего желания ее покидать. Нравился мне также и бой часов на дозорной башне, и, твердо сказав себе однажды, что мне следует раз и навсегда забыть о спокойствии Ланреста, я стала прислушиваться ко всему, что происходило в этом большом доме, к суете во внешнем дворе, к звукам шагов под сводами арки подо мной. Из-за занавесок я даже разглядывала окна напротив, из которых то и дело высовывались люди и переговаривались между собой. Время от времени днем ко мне заходила молодежь, мы разговаривали, и я составляла представление о других обитателях дома. Это были две семьи — Солы и Спарки, кузены Рашли, между которыми постоянно происходили стычки. В отсутствие моего зятя Джонатана задача поддержания мира возлагалась на его сына Джона — тяжелое бремя для молодого человека, не обладавшего достаточно широкими плечами, ибо ничто так не раздражает молодых людей, как необходимость все время одергивать старых дев и занудливых стариков. Мэри, как образованная хозяйка дома, с утра до вечера надзирала за сыроварнями, запасами провизии и кладовыми, чтобы все домочадцы были накормлены. Приходилось также присматривать за маленькими детьми — у Элис было три девочки, у Джоан — девочка и мальчик, и осенью она ждала еще одного ребенка. В каком-то смысле Менебилли представлял собой колонию с семьей в каждом крыле. На пятый

день я уже совсем освоилась и чувствовала себя достаточно уверенно, чтобы покинуть комнату. Джон толкал мое кресло, Джоан и Элис шли по бокам, дети бежали впереди — так мы объехали всю усадьбу. Огромные сады, окруженные высокими стенами, по пологому склону поднимались к востоку. Когда мы достигли вершины, моему взору открылись густо поросшие кустарником холмы и дорога на Фой, в трех милях от нас. К югу простиралась пастбища, вдали виднелись фермы, а дорога на насыпи вела к летнему флигелю, построенному в форме башни с продолговатыми окнами и оправленными в свинцовые переплеты стеклами, откуда открывался изумительный вид на море и мыс Гриббен-Хед.

— Это отцовское святилище, — пояснила Элис. — Здесь он пишет и производит подсчеты, а из окон может наблюдать за всеми кораблями, которые держат курс на Фой. — Она повернула ручку двери — та оказалась заперта. — Когда вернемся, попросим у него ключ. Место идеально подойдет для Онор, когда ветер на насыпи будет слишком свеж.

Джон промолчал. Наверное, как и я, он подумал, что его отец вряд ли обрадуется моему обществу. Мы объехали земельные участки и на обратном пути проследовали мимо дома управляющего, лужайки для игры в шары и садка для кроликов. Подняв глаза на уже знакомые мне ворота, на вазу с цветами на моем окне, я впервые заметила забитое досками окно соседней с моей комнаты и выступавший рядом с ним огромный контрфорс.

— Почему этой комнатой никогда не пользуются?
— спросила я из праздного любопытства.

Джон ответил не сразу.

— Отец туда иногда заходит, — произнес он. — Он держит там мебель и ценности.

— Это была комната моего дяди, — поколебавшись, сказала Элис и взглянула на Джона. — Он умер внезапно, когда мы были еще детьми.

Заметив смущение на их лицах, я не стала больше задавать вопросы, вспомнив вдруг старшего брата Джонатана, умершего на той же неделе, что и его старик-отец, якобы от оспы. Именно о нем распускал злые слухи парламентарий Роб Беннет.

Мы проехали под аркой, и я заставила себя познакомиться с кузенами Рашли. Они все собрались в длинной галерее — огромной комнате, обитой темными панелями, с окнами, которые выходили во двор и на сады в восточной части усадьбы. В противоположных углах комнаты находились каминь. Перед одним сидело семейство Сол, другой окружило семейство Спарк; они переглядывались, будто звери, запертые в клетке, в то время как посередине галереи моя сестра Мэри обеспечивала равновесие вместе со своей второй падчерицей, Элизабет, которая была дважды Рашли, ибо сочеталась браком со своим кузеном, жившим в миле отсюда, в Комбе.

Джон вкатил кресло в галерею и с надлежащей торжественностью представил меня враждующим сторонам.

Троим Спаркам противостояли только двое Солов.

Последние представляли собой довольно угрюмую, отталкивающую парочку: дряхлый Ник Сол, согнутый пополам ревматизмом, и почти такая же немощная, как я, Темперанс, его жена, судя по имени⁸ — пуританского происхождения, не выпускавшая из рук молитвенника. Она начала молиться сразу, как только меня увидела, — видит Бог, я никогда еще не производила такого впечатления ни на мужчину, ни на женщину, — а закончив, спросила, знаю ли я, что мы все, кроме нее, обречены на вечные муки. Я довольно веселым тоном ответила ей, что давно об этом догадывалась. Тогда она шепотом призналась мне, бросая злобные взгляды в сторону другого камина, что на землю сошел Антихрист. Я обернулась и увидела опущенные плечи Уилла Спарка, поглощенного безобидной игрой в шашки со своими сестрами.

— Провидение послало вас к нам, чтобы предостеречь, — прошипела Темперанс Сол, и, пока она разбирала по косточкам характеры своих родственников, ее супруг Ник Сол пробубнил в мое левое ухо полный отчет о своем ревматизме: от болей в большом пальце левой ноги, впервые появившихся лет сорок тому назад, до мучительной неспособности поднять локти вертикально.

Несколько ошарашенная, я сделала знак Джону, и он подкатил меня к Спаркам — двум сестрам и брату. Уилл был одним из тех мужчин-неудачников, что обладают высоким голосом и жеманными повадками женщины; я сразу почувствовала, что он скрывает под своей одеждой некий изъян. Похоже, он был так же

остер на язык, как его кузина Темперанс: он тотчас принялся высмеивать привычки Солов, словно видел во мне союзницу. Дебора наверстала в мужественности то, чего не хватало ее брату: носила пышные усы и говорила глухим голосом. Что же касается Джиллиан, его младшей сестры, она была само очарование и скромность, вся в губной помаде и бантиках, несмотря на свои сорок лет, а смеялась так звонко, что резало в ушах.

— Эта ужасная война, — молвила Дебора приятным низким голосом, — всех нас объединила.

Изречение это показалось мне не вполне искренним, поскольку они друг друга терпеть не могли, и, пока Джиллиан отпускала комплименты относительно моего внешнего вида и моего платья, я краешком глаза заметила, как Уилл тайком передвинул одну шашку на доске.

Воздух в помещении над воротами казался свежее, чем в галерее, и после посещения покоев Элис, Джоан и Элизабет, насмотревшись на шумную возню детей, на дрыгавших ножками младенцев, я вздохнула с облегчением, вновь оказавшись в своей комнате, в счастливом уединении. Мэтти принесла мне обед — привилегия, которой я не хотела лишаться, — и уйму сплетен, что было в ее характере, о слугах и о том, что они говорят о своих хозяевах. Джонатана, моего зятя, уважали, боялись, но не очень любили. Все радовались, когда он уходил из дома. Он вел учет всех расходов, и, если работник расточительно относился к продуктам, его тут же увольняли. Мэри, мою сестру,

любили больше, хотя и говорили, что в кладовой она — тиран. К молодежи относились благожелательно, особенно к Элис, нежное лицо которой и мягкий характер обезоружили бы самого дьявола, однако покачивали головами, говоря о ее красавце-супруге Питере, который, как выразилась Мэтти, заглядывался на красивые ножки и запросто мог обнять за талию девушку с кухни, если представлялся такой случай.

— Я охотно этому верю, — сказала Мэтти, — поскольку сама уже не раз швыряла в него подушкой, когда он слишком давал волю рукам. Господин Джон и госпожа Джоан тоже им нравятся, но поговаривают, что господину Джону следовало бы тверже держаться со своим отцом.

Эти слова напомнили мне о моей послеобеденной прогулке, и я спросила Мэтти, что ей известно о соседней комнате.

— Похоже, это чулан, — ответила она. — Мистер Рашли держит там разные ценности.

Это возбудило мое любопытство, и я велела ей поискать в двери какую-нибудь щель. Она прильнула лицом к замочной скважине, но ничего не увидела. Я протянула ей ножницы — мы обе хихикали, как дети, — и, проработав минут десять, она проковыряла в панельной обшивке отверстие достаточно большое, чтобы в него можно было заглянуть. Она опустилась на колени перед ним, но минуты через две обернулась, разочарованно произнеся:

— Там ничего нет. Обычная комната, очень похожая на эту, с кроватью в углу и драпировками на

стенах.

Я почувствовала себя едва ли не оскорбленной, ибо из-за своей глупой романтичности надеялась обнаружить там груды сокровищ. Я велела ей прикрыть щель картиной и принялась за ужин. Однако позднее, когда Джоан пришла посидеть со мной на закате, в сгущавшихся уже сумерках, она вдруг сказала, пожившись:

— Знаешь, Онор, а ведь я спала в этой комнате один раз, когда у Джона был приступ лихорадки, и мне здесь не понравилось.

— Почему же? — спросила я, отхлебывая вино.

— Мне показалось, что я слышала шаги в соседней комнате.

Я посмотрела на картину — щель была хорошо скрыта.

— Шаги? — удивилась я. — Какого рода шаги?

Озадаченная, она пожала плечами.

— Легкие шаги. Будто кто-то ходил в домашних туфлях, чтобы его не услышали.

— Давно это было?

— Зимой, — ответила она. — Я никому об этом не говорила.

— Наверное, кто-нибудь из прислуги, — предположила я, — зашел туда случайно.

— Нет! — покачала она головой. — Ни у кого из прислуги нет ключа. Он есть только у моего тестя, но его тогда не было дома. — Она на секунду смолкла и бросила взгляд через плечо. — Я думаю, это было привидение.

— Откуда в Менебилли взяться привидению? — возразила я. — Дому нет еще и пятидесяти лет.

— Тем не менее здесь уже умирали. Старый дедушка Джона и его дядя Джон.

Она посмотрела на меня блестящими глазами, и, зная мою Джоан, я поняла, что это еще не все новости.

— Значит, ты тоже слышала эту историю с отравлением, — сказала я наугад.

— Но я в нее не верю, — тотчас подхватила она. — Это было бы чудовищно. Он слишком добр, слишком честен. Я действительно думаю, что это было привидение, дух старшего брата, которого звали дядя Джон.

— С какой стати он стал бы ходить по комнате в домашних туфлях?

Она задумалась.

— Об этом никогда не говорят, — прошептала она наконец, сконфуженная. — Я обещала Джону держать это в тайне, но тебе скажу: он был сумасшедшим, и потому его держали взаперти в той комнате.

Раньше я ничего об этом не слышала и нашла новость просто чудовищной.

— Ты уверена? — спросила я.

— О да! Об этом говорится в завещании старого господина Рашли. Мне сказал Джон. Перед смертью старый господин Рашли вырвал у моего свекра обещание позаботиться о старшем брате, кормить, поить и дать пристанище в доме. Говорят, что для него и соорудили эту комнату каким-то особенным образом, но как именно, я не знаю. Потом он внезапно

умер, от оспы. Джон, Элис и Элизабет его не помнят — они были тогда еще совсем маленькие.

— Какая неприятная история, — произнесла я. — Налей мне еще вина, и забудем о ней.

Вскоре она ушла, и вошла Мэтти, чтобы задернуть шторы. Больше в тот вечер ко мне визитов не было. Однако с наступлением сумерек, когда в парке начали ухать совы, мои мысли вернулись к слабоумному дядюшке Джону: запертый в той комнате, он в течение многих лет был пленником своего ума, как я своего собственного тела.

Но утром пришли известия, заставившие меня забыть на время эту историю с шагами в темноте.

⁸ От *англ.* temperance — воздержание, умеренность.

Глава 8

День выдался чудесный, и я отважилась еще раз выехать в своем кресле на дорогу на насыпи, а вернувшись домой около полудня, узнала, что в Менебилли в мое отсутствие прискакал гонец с письмами из Плимута и других мест к членам семейства, которое собралось в галерее, чтобы обсудить последние вести с войны. Возле одного из окон, выходящих в сад, сидела Элис и читала длинное послание от своего Питера.

— Сэр Джон Дигби ранен, — сообщила она. — И осаду возглавил новый главнокомандующий, который сразу прибрал их всех к рукам. Бедняга Питер, теперь он может распрощаться и с охотой, и со зваными ужинами. Придется им отнестись к войне серьезно.

Она перевернула страницу небрежно написанного письма и покачала головой.

— Кто же ими командует? — полюбопытствовал Джон, снова вызвавшийся быть моим сопровождающим.

— Сэр Ричард Гренвил, — ответила Элис.

Мэри, единственная в Менебилли, кто знал о давно забытом романе, в галерее не было, поэтому, услышав это имя, я ничуть не смутилась. К тому времени я уже сделала одно любопытное наблюдение: мы приходим в замешательство только тогда, когда другие из-за нас попадают в неловкое положение.

Из того, что сказал Робин, я поняла, что Ричард приехал на запад поднимать отряды на защиту дела короля, и назначение командующим осадой Плимута

считалось повышением. До этого он уже прославился тем, что обвел вокруг пальца парламент и примкнул к его величеству.

— Ну и что думает Питер о своем новом командире? — услышала я свой голос как бы со стороны.

Элис сложила письма.

— Он им восхищается как солдатом, — ответила она. — Но не думаю, что он высокого о нем мнения как о человеке.

— Я слышал, — отозвался Джон, — что его никогда не мучает совесть, что он не забывает и никогда не прощает оскорблений.

— Кажется, он вел себя очень жестоко с людьми в Ирландии, — сказала Элис. — Впрочем, некоторые считают, — не более чем они того заслуживали. Но, боюсь, он совсем не похож на своего брата.

Странно было слышать, как при мне перемывали косточки мужчине, который когда-то прижимал меня к своему сердцу, был моим возлюбленным.

В эту минуту вошел Уилл Спарк, и тоже с письмом в руке.

— Итак, Ричард Гренвил командует в Плимуте, — произнес он. — Мне сообщил эту весть мой родственник из Тавистока, он сейчас с принцем Морисом. Похоже, принц очень высоко его ценит как солдата, но боже, какой он, однако, негодяй!

Лицо мое стало заливаться краской: старая любовь всплывала на поверхность.

— Мы как раз о нем говорили, — вставил Джон.

— Полагаю, вы слышали, что он сделал, как только прибыл на запад? — спросил Уилл Спарк, воодушевляясь, как всякий любитель злых сплетен. — Я знаю это напрямую от своего родственника. Гренвил примчался в Фитцфорд, имение жены, выставил прислугу, занял все помещения, управляющего засадил в тюрьму и присвоил все деньги, которые арендаторы были должны его жене.

— Я полагала, что они в разводе, — сказала Элис.

— Так и есть, — подтвердил Уилл. — Он не имеет права ни на одно пенни из ее имущества. Но в этом весь Ричард Гренвил.

— Интересно, — проговорила я спокойно, — что стало с его детьми?

— Могу вас просветить, — ответил Уилл. — Дочь в Лондоне с матерью. Есть ли у нее друзья в парламенте, я не знаю. Мальчик был в Фитцфорде со своим учителем, когда Гренвил захватил имение, и, по всей видимости, находится там и сейчас. Говорят, бедный мальчик страшно боится своего отца, и его можно понять.

— Наверняка это мать воспитала его так, что он ненавидит отца, — высказала я свое предположение.

— Женщине, которой пришлось столько выстрадать, — возразил Уилл, — довольно трудно представлять своего бывшего мужа в розовом свете.

Логика была на его стороне — она всегда была на стороне тех, кто клеветал на Ричарда, — и я попросила Джона отнести меня наверх, в мою комнату. Так хорошо начавшийся день завершился на